

Карл Шмитт

ЗЕМЛЯ И МОРЕ

Созерцание всемирной истории

Перевод с немецкого Ю.Ю. Коринца

моей дочери

1

Человек — существо наземное, сухопутное.

Он стоит на земле, идет по земле, он передвигается по ее твердой неколебимой поверхности. Это его самостояние и его почва; благодаря ей он обретает и имеет свою точку зрения; это определяет его впечатления и самый способ восприятия мира. Не только свой кругозор, но даже форму своей походки и движений, свой образ и облик он обретает и сохраняет как существо на земле родившееся и живущее. Поэтому небесное тело, на котором он обитает, он именуется “Земля”, хотя известно, что почти три четверти поверхности Земли составляет вода и только одну четверть собственно земля; при этом даже наибольшие участки суши являются всего лишь островами в океане воды. С тех пор, как мы знаем, что Земля имеет форму шара, мы говорим как о само собой разумеющемся о “Земном шаре”. Если бы тебе пришлось представить себе “морской шар” или “водный шар”, ты бы нашла это странным и необычным.

Все наше посюстороннее существование, радость и страдание, счастье и беда — есть для нас земная жизнь и, соответственно, рай на земле и земная юдоль скорби. Таким образом, вполне объяснимо то, что во множестве мифов и сказаний, в которых народы сохранили свой самый древний опыт и глубочайшие воспоминания, Земля выступает как великая мать людей. Ее называют самым старшим среди всех божеств. Священные книги повествуют нам о том, что человек взят от земли и должен вновь соделаться прахом земным. Земля — это его материнское лоно, он сам, таким образом, сын земли. В своих ближних он видит земных братьев, граждан Земли. Среди традиционных четырех стихий — Земли, Воды, Огня и Воздуха — стихия Земли более всего определяет человека и ему предопределена. Мысль о том, что из четырех стихий какая-то кроме земли может решающим образом формировать человеческое бытие, на первый взгляд выглядит лишь как фантастическая возможность. Человек — это не рыба и не птица, тем более не какое-то существо из огня, даже если предположить, что таковые могут существовать.

Следует ли из сказанного, что сущность человеческого бытия и самого существа человека чисто земная, и все остальные стихии являются лишь дополнительными элементами второго порядка? Дело обстоит не так просто. Ответ на вопрос о том, может ли что-то кроме земли составлять отличительный признак человеческого присутствия в мире, лежит ближе, чем мы думаем. Стоит тебе только выйти на берег моря и посмотреть вдаль — и грандиозная

морская гладь по всему горизонту захватит твой взор. Примечательно, что когда человек стоит на берегу, он естественным образом устремляет свой взор со стороны суши на море, а не наоборот, со стороны моря на сушу. В глубоких, часто бессознательных воспоминаниях людей вода и море являются тайной первопричиной всего сущего. В мифах и сказаниях большинства народов содержатся воспоминания не только о землях рожденных, но и о вышедших из моря богах и людях. Всюду повествуется о сынах и дочерях морей и вод. Афродита, богиня женской красоты, возникла из пены морских волн. Море породило и другие создания, и мы познакомимся впоследствии с “детьми моря” и дикими “пленителями моря”, мало похожими на чарующую картину из пены рожденной женской красоты. Ты видишь здесь совершенно другой мир, непохожий на мир земной тверди и суши. Теперь ты можешь понять, почему поэты, натурфилософы и естествоиспытатели ищут начало всякой жизни в воде, а Гете провозглашает в торжественных стихах:

*Все возникло из воды,
Все сохраняется водою,
Океан, даруй нам
вечное твое покровительство!*

Основателем учения о происхождении всего живого из водной стихии чаще всего называют греческого натурфилософа Фалеса из Милета (ок. 500 года до Р.Х.). Но это воззрение одновременно моложе и старше Фалеса. Оно вечно. В последнем 19 веке о происхождении людей и всего живого из моря учил крупный немецкий ученый Лоренц Окен. И в генеалогических схемах, сконструированных естествоиспытателями-дарвинистами, рыбы и наземные животные идут рядом и один за другим в различной последовательности. Обитатели моря фигурируют здесь как предки людей. Древнейшая и древняя история человечества, по всей видимости, подтверждают эту гипотезу о происхождении жизни. Авторитетные исследователи открыли, что наряду с “автохтонными”, то есть родившимися на суше, существуют также “автоталассические”, то есть исключительно морем определяемые народы, никогда не бывшие путешественниками по земле и не хотевшие ничего знать о твердой суше, которая являлась границей их чисто морского существования. На островах Тихого океана, у полинезийских мореплавателей, канаков и самоа еще можно обнаружить последние остатки такого рода людей-рыб. Все их бытие, мир представлений, язык складывались под определяющим воздействием моря. Все наши представления о пространстве и времени, сложившиеся в условиях твердой поверхности суши, казались им настолько же чуждыми и непонятными, насколько для нас, жителей суши, мир тех чисто морских людей означает едва постижимый иной мир.

В любом случае возникает вопрос: что есть наша стихия? Мы — дети земли или моря? На этот вопрос невозможно ответить однозначно. Доисторические мифы, естественнонаучные гипотезы Нового времени и результаты исторического исследования эпохи первых письменных памятников оставляют обе возможности для ответа открытыми.

Слово “стихия” в любом случае требует небольшого дополнительного пояснения. Со времени вышеупомянутого философа Фалеса, начиная с эпохи ионийской философии, то есть примерно с 500 года до нашей эры у европейских народов принято говорить о четырех стихиях или элементах. С тех пор это представление о четверице элементов — Земле, Воде, Воздухе и Огне — осталось живо и неискоренимо и до сего дня, несмотря на всю научную критику. Современное естествознание упразднило эти четыре изначальные стихии; оно различает сегодня более девяноста совсем иначе структурированных “элементов” и понимает под этим словом каждый исходный материал, неразложимый и нерастворимый посредством методов сегодняшней химии. Таким образом, элементы, исследуемые сегодня естествознанием экспериментально и теоретически, имеют с теми четырьмя изначальными первоэлементами лишь общее название. Ни один физик или химик не решится сегодня утверждать, что какой-либо из четырех первоэлементов является единственной первопричиной, исходным материалом вселенной, как то говорил о воде Фалес Милетский, об огне — Гераклит Эфесский, о воздухе — Анаксимен Милетский, а Эмпедокл из Акраганта учил о соединении стихий, которые называл “корнями всех вещей”. Один лишь вопрос о том, что, собственно, означают здесь слова первопричина, исходный материал, корни вещей — завел бы нас в обсуждение необозримого количества физических, естественнонаучных, метафизических и гносеологических проблем. Для нужд нашего исторического созерцания мы можем все же ограничиться представлением об этой четверице элементов, или стихий. Ибо для нас эти стихии суть простые и наглядные имена. Это обобщающие значения, указывающие на различного рода фундаментальные возможности человеческого бытия в мире. Поэтому мы вправе еще и сегодня использовать их, в особенности когда ведем речь о господстве посредством моря и о господстве посредством суши, о морских и континентальных державах, имея в виду стихии воды и земли.

Таким образом, “элементы” Земля и Море, о которых идет речь ниже, не могут мыслиться лишь как естественнонаучные величины. В этом случае они бы немедленно распались на химические составляющие, то есть обратились бы в историческое ничто. Предопределяемые этими стихиями варианты исторического свершения, в особенности морские или земные формы существования также не развертываются с механической заданностью. Если бы человек был живым организмом, без остатка сводимым к воздействию окружающего мира, он представлял бы собою или животное, или рыбу, или птицу или фантастические смешения этих элементарных форм, сообразно воздействию природных стихий. Чистые типовые образцы, соответствующие четырем элементам, в особенности чисто морские или чисто земные люди имели бы между собой весьма мало общего, они противостояли бы друг другу совершенно изолированно, причем эта изоляция была бы тем безнадежней, чем меньше примесей содержал бы данный тип. Смешения давали бы удачные или неудачные типы и порождали бы приязнь или вражду, как химическое сродство или контраст. Бытие и судьба человека определялись бы чисто природным порядком, как это бывает в случае животного или растения. Можно было бы лишь констатировать, что одни пожирают других, в то время как остальные мирно сосуществуют в биологическом симбиозе. Не существовало

бы никакой человеческой истории как человеческого поступка и человеческого решения.

Мы знаем, однако, что существо человека несводимо к чисто природному порядку. Он обладает даром овладевать собственным бытием и сознанием в процессе исторического свершения. Он знает не только рождение, но и возможность духовного возрождения. В беде и опасности, когда животное и растение беспомощно гибнут, он способен возродиться к новой жизни путем интеллектуального усилия, волевого решения, уверенного анализа ситуации и умозаключения. Он располагает свободным пространством для своей власти и своего исторического могущества. Ему дано выбирать, и в определенные моменты истории он способен выбрать ту стихию, к которой он прилепляется посредством собственного поступка и собственного усилия, как к новой форме своей исторической экзистенции, и в которой он обустраивается. В этом смысле он хорошо усвоил, как говорит поэт, “свободу выбирать путь, которого возжелал”.

3

Всемирная история — это история борьбы континентальных держав против морских держав и морских держав против континентальных держав. Адмирал Кастекс, французский специалист по военной науке, предпослал своей книге о стратегии обобщающий заголовок: *Море против Земли, la Mer contie la Terre*. Тем самым он пребывает в русле давней традиции.

Изначальный антагонизм земли и моря был замечен с давних пор, и еще в конце 19 века имевшуюся тогда напряженность в отношениях между Россией и Англией любили изображать в виде битвы медведя с китом. Кит обозначает здесь огромную мифическую рыбу, Левиафана, о котором мы еще кое-что услышим, медведь же означает одного из многих представителей наземных животных. Согласно средневековым толкованиям так называемых каббалистов, всемирная история суть не что иное, как борьба между могущественным китом, Левиафаном, и столь же сильным наземным животным Бегемотом, которого представляли себе в виде быка или слона. Оба имени — Левиафан и Бегемот — заимствованы из книги Иова (главы 40 и 41). Итак, каббалисты утверждают, что Бегемот старается разорвать Левиафана своими рогами и зубами, Левиафан же стремится зажать своими плавниками пасть и нос Бегемота, чтобы тот не смог есть и дышать. Это предельно наглядное, какое только и позволяет дать миф, изображение блокады континентальной державы морской державой, которая закрывает все морские подходы к суше, чтобы вызвать голод. Так обе воюющие державы убивают друг друга. Однако евреи, — говорят каббалисты дальше, — празднуют затем тысячелетний “пир Левиафана”, о котором рассказывает в знаменитом стихотворении Генрих Гейне. Для того, чтобы дать историческое толкование этого пира Левиафана, чаще всего цитируют каббалиста Исаака Абраванеля. Он жил в 1437 — 1508 гг. во времена великих открытий, был казначеем сначала у короля Португалии, потом у короля Кастилии и умер уважаемым человеком в Венеции в 1508 году. Таким образом он познал белый свет и все богатства мира и знал, что говорил.

Бросим же беглый взгляд на некоторые события всемирной истории под углом зрения этой борьбы между землей и морем.

Мир греческой античности возник из путешествий и войн народов-мореплавателей, “недаром вскормил их бог моря”. Господствовавшая на острове Крит морская держава изгнала персов из восточной части Средиземноморья и создала культуру, все необъяснимое очарование которой было явлено нам при раскопках Кносса. Тысячелетие спустя в морском сражении при Саламине (480 г. до Р.Х.) свободный город Афины оборонялся от своего врага — “всем повелевающих персов” — за деревянными стенами, то есть на кораблях, и спасся благодаря этой морской битве. Его собственное господство было побеждено в Пелопонесской войне континентальной Спартой; последняя, однако, именно в силу своего континентального характера оказалась не в состоянии объединить города Эллады и возглавить греческую империю. Рим, напротив, бывший с самого начала итальянской крестьянской республикой и чисто континентальным государством, превратился в настоящую империю в процессе борьбы с морским и торговым господством Карфагена. История Рима, как вся в совокупности, так особенно и в этот период долгой борьбы между Римом и Карфагеном, часто сравнивалась с другими историческими ситуациями и катаклизмами. Такие сравнения и параллели могут быть весьма поучительными, однако они часто приводят к странным противоречиям. Например, параллели всемирной английской империи находят то в Риме, то в Карфагене. Сравнения такого рода в большинстве случаев являются палкой о двух концах, которую можно взять и повернуть любой стороной. Из рук угасавшей Римской империи морское господство вырвали вандалы, сарацины, викинги и норманны. После множества неудачных попыток арабы покорили Карфаген (698 г.) и основали новую столицу Тунис. Тем самым началось их многовековое господство над западным Средиземноморьем. Восточноримская Византийская империя, управляющая из Константинополя, была береговой империей. В ее распоряжении был сильный флот и таинственное боевое средство — так называемый греческий огонь. Впрочем, все это служило исключительно оборонительным целям. Во всяком случае, в своем качестве морской державы она могла предпринимать нечто такое, чего не могла себе позволить империя Карла Великого — держава чисто континентальная; Византия была настоящим “удерживающим”, “катехоном”, несмотря на свою слабость, она “удерживала” ислам много веков, предотвращая тем самым возможность завоевания Италии арабами. В противном случае с Италией случилось бы тоже самое, что произошло тогда с Северной Африкой, — антично-христианская культура оказалась бы уничтоженной, и Италия была бы поглощена миром ислама. В христианско-европейском ареале впоследствии возникла новая морская держава, возвысившаяся благодаря крестовым походам: Венеция.

Тем самым в мировую историю вторгается новое мифическое имя. Почти половину тысячелетия республика Венеция считалась символом морского господства и богатства, выросшего на морской торговле. Она достигла блестящих результатов на поприще большой политики, ее называли “самым диковинным созданием в истории экономики всех времен”. Все, что побуждало фанатичных англоманов восхищаться Англией в 18-20 веках, прежде уже было причиной восхищения Венецией: огромные богатства; преимущество в дипломатическом искусстве, с помощью которого морская держава умеет

вызывать осложнения во взаимоотношениях континентальных держав и вести свои войны чужими руками; аристократический основной закон, дававший видимость решения проблемы внутривнутриполитического порядка; толерантность в отношении религиозных и философских взглядов; прибежище свободлюбивых идей и политической эмиграции. Сюда же относится очаровательное великолепие роскошных празднеств и красоты изящных искусств. Один из этих праздников особенно занимал человеческое воображение и способствовал прославлению Венеции в мире — это было овеянное легендами “Обручение с морем”, так называемая *sposalizio del mare*.

Ежегодно в день Вознесения Господня дож республики Венеция отправлялся в открытое море на роскошном государственном корабле, и бросал в волны кольцо в знак соединения с морем. Сами венецианцы, их соседи, а также народы, обитавшие вдалеке от Венеции, видели в этом убедительный символ посредством коего рожденная морем держава и рожденное морем богатство приобретали мифическое освящение. У нас, однако, еще будет возможность убедиться в том, как в действительности обстояло дело с этим прекрасным символом, когда мы вновь увидим его в его изначальном свете.

Эта сказочная царица моря сияла все ярче с 1000 по 1500 годы. В 1000 году тогдашний император Византии Никифор Фока мог еще с некоторым на то основанием утверждать о себе: “До сих пор вы были в брачном союзе с морем, отныне оно принадлежит мне.” Между этими двумя датами лежит эпоха венецианского морского господства над Адриатикой, Эгейским морем и восточной частью Средиземного моря. В эту эпоху возникла легенда, привлекавшая в Венецию еще в 19-20 веках бесконечное множество путешественников и знаменитых романтиков всех европейских наций, поэтов и людей искусства — таких, как Байрон, Мюссе, Рихард Вагнер, Баррэ. Никто не сможет избежать очарования этой легенды, и меньше всего хотелось бы умерить сияние ее славы. Но если спросить, имеем ли мы здесь дело со случаем чисто морского существования и подлинного выбора в пользу морской стихии, то мы сразу же увидим, сколь стесненной оказывается морская держава, ограниченная Адриатикой и бассейном Средиземноморья, когда однажды открываются необозримые пространства мировых океанов.

4

Немецкий философ географии Эрнст Каш, ум которого был целиком во власти обширного мира идей Гегеля, классифицировал империи в зависимости от фактора воды в своей “Сравнительной географии” (1845). Он различает три стадии развития, три акта великой драмы. Мировая история начинается для него с “потанического” времени, то есть с культуры речных пойм ближнего и среднего Востока в двуречьи Евфрата и Тигра и на реке Нил, в ассирийском, вавилонском и египетском царствах Востока. Далее следует так называемый талассический период культуры внутриматериковых морей и бассейна Средиземного моря, которому принадлежат греческая и римская античность и средиземноморское Средневековье. С открытием Америки и началом кругосветных плаваний наступает последняя и высшая стадия, эпоха океанической культуры, носителями которой являются германские народы. Для прояснения существа дела мы, однако будем пользоваться трехчастной

схемой, различающей реку, внутриматериковое море и океан. Тогда мы яснее увидим, почему морское господство Венеции оставалось целиком на второй, талассической ступени.

Как раз праздник, подобный вышеупомянутому “Обручению с морем”, позволяет сознать это различие. Такие символические действия соединения с морем встречаются и у других зависимых от моря народов. Например, индейские племена Центральной Америки, занимавшиеся рыбным промыслом и мореплаванием, приносили божествам моря жертвы в виде колец и других драгоценностей, в виде животных и даже людей. Я, однако, не думаю, что подобные же обряды практиковали и настоящие “пленители моря”. Из этого не следует, что они были менее предрасположены к набожности или в меньшей степени чувствовали потребность в заклинании божественных сил. Но о церемонии обручения или бракосочетания с морем они не думали именно потому, что они были настоящими детьми моря. Они чувствовали себя идентичными стихии моря. Те же символические обручения или бракосочетания показывают, напротив, что приносящий жертву и божество, которому приносится жертва, суть различные, даже противоположные существа. С помощью такой жертвы должно умиротворить враждебную стихию. В случае Венеции церемония отчетливо позволяет понять, что смысл символического акта не является порождением изначального морского существования; в гораздо большей степени здесь присутствует особый стиль праздничных символов, созданный высокоразвитой береговой культурой и культурой лагун. Обычное мореплавание и культура, основывающаяся на использовании выгодного приморского месторасположения представляют собой все же нечто иное, нежели чем перемещение всего исторического бытия с земли в море, выбор моря как стихии существования. Господство Венеции в прибрежной зоне начинается в 100 году морским походом в Долмацию. Господство Венеции над хинтерландом, например над Хорватией и Венгрией всегда оставалось проблематичным, каким только и может быть господство флота над сушей. И в области техники кораблестроения республика Венеции не покидала Средиземного моря и Средневековья вплоть до своего упадка в 1797 году. Как и народы Средиземноморья, Венеция знала только гребное судно, галеру. Судходство на больших памятниках пришло в Средиземное море из Атлантического океана. Венецианский флот был и остался флотом больших галер, движимых гребной силой. Парус использовался лишь в качестве дополнительного элемента при благоприятном попутном ветре, как это было уже в античную эпоху. Особенным навигационным достижением было усовершенствование компаса до его современной формы. Благодаря компасу “корабль приобрел нечто разумное, в силу чего человек вступает в общение и породняется с транспортным средством” (Капп). Только теперь самые отдаленные участки земли на всех океанах могут вступить в контакт, так что открывается круг земной. Но современный компас, появление которого в Средиземноморье относили раньше чаще всего к 1302 году и к итальянскому морскому городу Амальфи, в любом случае изобретен не в Венеции. Использование этого нового средства для океанических плаваний было венецианцам не свойственно.

Как я уже говорил и еще раз повторяю, мы не хотим преуменьшить сияние и славу Венеции. Но мы должны понять смысл происходящего, когда народ в совокупности всего своего исторического бытия делает выбор в пользу моря

как чужой себе стихии. Способ ведения морских сражений того времени нагляднее всего демонстрирует то, о чем здесь идет речь, и в сколь малой степени можно говорить об элементарном переносе всей человеческой экзистенции с земли на море в тогдашнем Средиземноморье. В античном морском сражении гребные суда атакуют друг друга и пытаются протаранить и взять на abordаж один другого. Морской бой поэтому всегда представляет собою ближний бой. “Корабли хватают друг друга словно пары борющихся мужчин”. В битве при Милах римляне сперва брали вражеские суда на abordаж, перебрасывая настилы из досок и устанавливали таким образом мост, по которому могли вступить на вражеский корабль. Морской бой превращался тем самым в сухопутное сражение на кораблях. На корабельных досках рубились мечами словно на сцене. Так разыгрывались знаменитые морские сражения древности. Похожим образом, хотя и с помощью более примитивных ручных орудий, вели свои морские сражения малайские и индейские племена.

Последнее крупное морское сражение такого рода оказалось вместе с тем последним славным подвигом венецианской истории — то был морской бой при Лепанто (1571). Здесь испано-венецианский флот встретился с турецким и одержал самую убедительную победу на море из всех, когда-либо одержанных христианами над мусульманами. Битва произошла в том же самом месте, у Аксиума, где незадолго до начала нашей эры (30 г. до Р.Х.) вступили в бой флотилии Востока и Запада, Антония и Октавиана. Морская битва при Лепанто велась в основном теми же корабельно-техническими средствами, что и сражение у Аксиума полтора тысячелетия назад. В ближнем бою на корабельных досках сражались отборные пешие части испанцев, знаменитые терции, с янычарами, элитарными войсками Османской империи.

Изменение способа ведения войны на море произошло лишь немногими годами позже битвы при Лепанто, — именно при разгроме испанской армады в проливе Ла-Манш. Маленькие парусники англичан обнаружили свое преимущество перед большими кораблями испанского флота. Однако ведущими в области техники кораблестроения были тогда не англичане, а голландцы. За время с 1450 по 1600 годы голландцы изобрели новых типов кораблей больше, чем все остальные народы. Просто открытия новых частей света и океанов было недостаточно для того, чтобы заложить основы господства на мировых океанах и обеспечить выбор моря в качестве стихии существования.

5

Не благородные дожи на помпезных судах, но дикие искатели приключений и “пенители моря”, отважные, бороздящие океаны охотники на китов и смелые водители парусников суть первые герои новой морской экзистенции. В двух важнейших областях — китобойном промысле и кораблестроении — голландцы были сперва далеко впереди всех.

Здесь я обязан сперва воздать хвалу киту и охотнику на кита. Невозможно говорить о великой истории моря и о выборе человека в пользу морской стихии, не упоминая сказочного Левиафана и его столь же чудесного преследования. Конечно же, это огромная тема. Моя слабая похвала не достигает ни кита, ни

охотника. Как я могу брать на себя смелость подобающим образом рассказать о двух морских чудесах — о могущественнейшем из всех живущих зверей и об отважнейшем из всех охотников человечества?

Я осмеливаюсь на это только потому, что могу опираться на авторитет двух великих глашатаев и провозвестников обеих этих морских чудес, — значительного французского историка Жюль Мишле и великого американского писателя Германа Мелвилла. В 1861 году француз опубликовал книгу о море — гимн красоте моря и миру его неоткрытых чудес, богатствам морского дна всех континентов, которыми еще не завладел и которые еще не использовал “свирепый король этого мира”, человек. Мелвилл же является для мировых океанов тем, чем для восточного Средиземноморья является Гомер. В захватывающей повести “Моби Дик” (1851) он описал историю великого кита, Моби Дика, и охотящегося за ним капитана Ахаба, сложив тем самым величайший эпос океанской стихии. Я, конечно, осознаю, что, когда я при случае употребляю здесь вместо слова “кит” словосочетание “рыба-кит” и вместо “охотник на кита” говорю иногда “охотник на китовых рыб”, это сочтут дилетантским и неточным словоупотреблением. Меня начнут поучать о зоологической природе кита, который, как это известно любому школьнику, представляет собой млекопитающее, но не рыбу. Уже в напечатанной в 1776 году “Системе природы” старого Линнея можно было прочесть о том, что рыба-кит — теплокровное, дышит легкими, а не жабрами, как обычная рыба; что самка кита рождает уже сильно развитого живого детеныша и почти целый год любовно заботится о нем и вскармливает его своим молоком. Я никоим образом не хочу спорить с учеными-специалистами в обширной науке о китах, с цетологами, но хочу только кратко, без всяких дискуссий, объяснить, почему я полностью не отвергаю старое имя “рыба-кит”. Само собой разумеется, кит не есть рыба, такая, как щука или селедка. Тем не менее, называя это странное чудовище рыбой, я обнажаю всю нелепость того, что такой теплокровный гигант предан стихии моря, хотя он и не предрасположен к этому своим физиологическим строением. Только вообрази на минуту противоположный случай: громадное, дышащее жабрами существо бежит по суше! Самое крупное, самое сильное и самое мощное морское животное бороздит мировые океаны от северного до южного полюсов, дышит легкими и, будучи млекопитающим рождает живых детенышей в этот мир моря! Оно не является также амфибией, но является настоящим млекопитающим, и все-таки одновременно рыбой по своей стихии обитания. В рассматриваемый нами период, а именно с 16 по 19 века, охотники на эту огромную рыбу были подлинными Охотниками с большой буквы, а не просто какими-то банальными “китобоями” или “китоловами”. Это не безразлично для нашей темы.

Французский восхвалитель кита Мишле в своей книге о море описывает любовную и семейную жизнь китов с особой проникновенностью. Самец кит — проворный любовник самки-кита, нежнейший супруг, заботливейший отец. Он являет собой гуманнейшего из всех живых существ, он гуманнее человека, который истребляет китов с варварской жестокостью. Но насколько же невинны были методы ловли рыбы в те времена, в 1861 году, когда об этом писал Мишле! Впрочем, уже тогда пароходы и пушки нарушили равноправие кита и человека и низвели бедного кита до удобного объекта отстрела. И что бы сказал гуманный друг людей и любитель животных Мишле, увидев сегодняшнее промышленное изготовление китового жира и реализацию китовых туш! Ибо то,

что сегодня, после Мировой войны 1914-1918 гг., образовалось и все больше усовершенствуется под названием “пелагической”, глубинной ловли, более невозможно именовать не только охотой, но даже и ловлей. Сегодня к Южному полюсу Земли в Полярное море отправляются огромные корабли водоизмещением до 30000 тонн, оснащенные электрическими приборами, пушками, минами, самолетами и радиоаппаратурой, подобные плавающим кастрюлям для пищи. Туда скрылся кит, и там мертвое животное перерабатывается промышленным способом прямо на судне. Так бедный Левиафан исчез бы вскоре с нашей планеты. В 1937-1938 гг. в Лондоне наконец-то было достигнуто международное соглашение, которое определяет известные правила китобойного промысла, устанавливает районы ловли, предусматривает прочие условия с тем, чтобы защитить хотя бы оставшихся в живых китов от дальнейшего внепланового истребления.

Охотники на кита, о которых здесь идет речь, были, напротив, истинными охотниками, а не банальными ловцами, и уж точно не забивали китов механическим способом. Они гнались за своей добычей из вод Северного моря или от атлантического побережья на парусниках и гребных судах через огромные пространства мировых океанов, а оружием, с помощью которого они вступали в битву с могучим и хитрым морским гигантом, являлся гарпун, бросаемый человеческой рукой. Это была опасная для жизни битва двух живых существ, причем оба они, не будучи рыбами в зоологическом смысле, передвигались в стихии моря. Все подручные средства, которые использовал в этой борьбе человек, тогда еще приводились в действие мускульной силой самого человека: парус, весло и гарпун, смертельное метательное копьё. Кит был достаточно сильным для того, чтобы одним ударом своего хвоста разнести в щепки корабль и лодку. Человеческой хитрости он мог противопоставить тысячу собственных уловок. Герман Мелвилл, который сам много лет служил матросом на китобойном судне, описывает в своем “Моби Дике”, как между охотником и его жертвой возникают, можно сказать личная связь и интимные отношения дружбы-вражды. Здесь человек все более погружается в стихийную бездну морского существования, благодаря борьбе с другими обитателями моря. Эти охотники на кита плавали под парусами с севера на юг земного шара и от Атлантического до Тихого океана. Все время следуя таинственным путям кита, они открывали острова и континенты, не делая из этого большого шума. У Мелвилла один из этих мореплавателей, познакомившись с книгой первооткрывателя Австралии капитана Кука, произносит такие слова: этот Кук пишет книги о вещах, которые охотник на китов не стал бы даже заносить в свой судовой журнал. Мишле спрашивает : Кто показал людям океан ? Кто открыл океанические зоны и проливы? Одним словом: Кто открыл земной шар? Кит и охотник на кита! И все это независимо от Колумба и от знаменитых золотоискателей, которые с большой шумихой ищут то, что уже найдено благородными рыбаками Севера, из Бретани и из страны Басков. Мишле говорит это и продолжает: эти охотники на кита являют собою величайшее проявление человеческого духа. Без кита рыболовы всегда оставались бы только на побережье. Рыба-кит заманила их в океаны и даровала независимость от берега. Благодаря киту были открыты морские течения и найден проход к Северу. Кит предводительствовал нами.

Тогда, в 16 столетии, на нашей планете два различных вида охотников одновременно находились во власти пробуждения стихий. На земле то были

русские охотники на пушного зверя, которые, следуя за пушным зверем, покорили Сибирь и вышли по суше к восточноазиатскому побережью; на море северо- и западноевропейские охотники на кита, которые охотились на всех мировых океанах и, как справедливо указывает Мишле, сделали видимым глобус. Они — первенцы новой, стихийной экзистенции, первые настоящие “дети моря”.

6

На эту смену эпох приходится важнейшее событие в области техники. И здесь голландцы оказываются впереди всех. В 1600 году они были бесспорными мастерами кораблестроения. Они изобрели новые приемы парусной техники и новые типы парусных кораблей, которые упразднили весла и открыли возможности для навигации и судоходства, отвечающие размерам вновь открытых мировых океанов.

Около 1595 года в Северной Голландии появляется новый тип корабля из западнофризского города Хоорн. Это была лодка с прямыми парусами, шедшая под парусом не только при попутном ветре, как старый парусник, но также и сбоку от ветра, умевшая использовать ветер совсем иначе, чем прежние суда. Корабельные снасти и искусство парусного мореплавания усовершенствуются отныне в небывалой степени. “Судоходство Средневековья заканчивается катастрофическим образом”, — говорит по поводу этого события Бернхард Хагеборн, историк развития корабельных типов. Здесь находится подлинный поворотный момент в истории взаимоотношений Земли и Моря. Этим было достигнуто все, чего позволял достичь материал, из которого были сделаны тогда судно и такелаж. Новый поворот в технике кораблестроения наступил только в 19 веке. “Подобным откровению, — говорит Хагеборн, — должен был казаться морякам момент, когда однажды они оставили большой парус и увидели, сколь богатые возможности открывает перед ними маленький парус”. Благодаря этому техническому достижению голландцы стали “извозчиками” всех европейских стран. Они унаследовали также торговлю немецкой Ганзы. Даже мировая держава Испания была вынуждена фрахтовать голландские суда для обеспечения своих трансатлантических перевозок.

В 16 веке кроме того появляется новый военный корабль, и этим открывается новая эра морской военной стратегии. Оснащенный орудиями, парусник с бортов обстреливает залпами противника. Тем самым морское сражение становится артиллерийским боем с дальнего расстояния, требующим большого искусства управления парусником. Только теперь можно по-настоящему говорить о морском сражении, ибо, сражение экипажей гребных галер, как мы видели, представляет собой только сухопутный бой на корабле. С этим связана совершенно новая тактика морского боя и ведения войны на море, новое искусство “эволюций”, необходимых до, во время и после морского сражения. Первая научная в современном смысле книга об этом новом искусстве вышла в Лионе в 1697 году под названием “L`art des armecs navales ou trait des evolutions navales”; ее автором был священник ордена иезуитов француз Поль Ост. В ней дан критический обзор морских сражений и морских маневров голландцев, англичан и французов во время войны Людовика 14 с голландцами. Впоследствии появились и другие французские исследования этого вопроса.

Только в 18 веке в 1782 году в ряд знаменитых теоретиков морской тактики входит англичанин в лице Клерка д'Эльдина.

Все западно- и центральноевропейские народы внесли свой вклад в общее достижение, заключавшееся в открытии новой земли и имевшее следствием всемирную европейскую гегемонию. Итальянцы усовершенствовали компас и создали навигационные карты; открытие Америки состоялось прежде всего благодаря силе познания и уму Тосканелли и Колумба. Португальцы и испанцы снарядили первые великие исследовательские экспедиции и совершили кругосветные плавания под парусами. В становление новой картины мира внесли свой вклад великие немецкие астрономы и замечательные географы; название “Америка” придумал в 1507 году немецкий космограф Вальтцемюллер, а предприятие иностранцев в Венесуэле явилось большим колониальным стартом, который, однако, не мог справиться с испанским сопротивлением. Голландцы были ведущими в китобойном промысле и в области техники кораблестроения. Франция располагала особенно широкими возможностями как благодаря своему географическому положению на трех побережьях — Средиземного моря, Атлантического океана и Ла-Манша — так и в силу своего экономического потенциала и из-за склонности к мореплаванию населения ее атлантического берега. Французский викинг Жан Флери в 1522 году нанес первый ощутимый удар по испанской мировой гегемонии и захватил два груженных драгоценностями корабля, которые Кортес направил из Америки в Испанию; французский первооткрыватель Жан Картье уже в 1540 году открыл Канаду, “новую Францию” и завладел ею для своего короля. Особо важную часть при пробуждении морских энергий той эпохи составляли гугенотские корсары, выходцы из Ла-Рошеля. Франция на много десятилетий превзошла Англию в области военного строительства парусных кораблей еще в 17 столетии, при гениальном морском министре Кольбере.

Достижения англичан в судоходстве, само собой разумеется, также весьма значительны. Но плавать южнее экватора английские моряки начинают только после 1570 года. Лишь в последней трети 16 века начинается великое пробуждение английских корсаров к плаванию за океан и в Америку.

7

Всевозможные “пленители моря”, пираты, корсары, занимавшиеся морской торговлей авантюристы составляют, наряду с охотниками на кита и водителями парусников, ударную колонну того стихийного поворота к морю, который осуществляется на протяжении 16-17 веков. Здесь перед нами следующий отважный род “детей моря”. Среди них есть известные имена, герои морских рассказов и сказаний о разбойниках, такие, как Франц Дрейк, Хеквинс, сэр Уолтер Рэлли или сэр Генри Морган, прославленные во множестве книг; судьба каждого из них в самом деле была достаточно богата приключениями. Они захватывали испанские флотилии с серебром, и одна эта тема сама по себе уже довольно интригующая. Существует обширная литература о пиратах вообще и о многих великих именах в частности, а на английском языке составлен даже словарь о них под забавным названием “The Pirate’s Who’s Who”, энциклопедия пиратов.

Целые категории этих отважных морских разбойников в самом деле снискали себе славу в истории, ибо нанесли первые удары по испанской гегемонии во всем мире и по испанской монополии в торговле. Так, гугенотские пираты во французской морской крепости Ла-Рошель заодно с голландскими морскими гезами сражались против Испании во времена королевы Елизаветы. Затем это были так называемые елизаветинские корсары, внесшие весомый вклад в разгром испанской армады (1588г.). За корсарами королевы Елизаветы последовали корсары короля Якова I, среди них был сэр Генри Мейнверинг, сперва один из самых отъявленных морских разбойников, затем помилованный королем в 1616 году и, наконец, победитель пиратов, награжденный должностями и почестями. Далее идут флибустьеры и дикие пираты, отправлявшиеся в свои далекие плавания с Ямайки и из вод Карибского моря, французы, голландцы и англичане, среди них сэр Генри Морган, разграбивший в 1671 году Панаму, возведенный в рыцарское достоинство королем Карлом II и ставший королевским губернатором Ямайки. Их последним подвигом стало покорение испанской морской крепости Картахена в Колумбии, которую они совместно с французским королевским флотом взяли приступом в 1697 году и ужасающим образом разграбили после ухода французов.

В подобного рода “пленителях моря” проявляется морская стихия. Их героическая эпоха длилась приблизительно 150 лет, примерно с 1550 до 1713 года, то есть со времени начала борьбы протестантских государств против всемирного господства католической Испании и до момента заключения Утрехтского мира. Морские разбойники существовали во все времена и на всех морях и океанах, начиная с упоминавшихся выше пиратов, изгнанных критским государством из восточного Средиземноморья много тысячелетий тому назад и вплоть до китайских джунгов, которые еще в 1920-1930 годах захватывали и грабили торговые суда в восточноазиатских водах. Но корсары 16 и 17 веков занимают в истории пиратства все же особое место. Их время кончилось только с заключением Утрехтского мира (1713), поскольку тогда произошла консолидация системы европейских государств. Военные флотилии морских держав могли теперь осуществлять эффективный контроль, а новая, на море воздвигнутая всемирная гегемония Англии впервые стала очевидной. Тем не менее еще и до 19 века существовали корсары, воевавшие частным образом, с разрешения своих правительств. Но прогрессировала организация мира, техника кораблестроения и навигация усовершенствовались, становились все более наукоемкими, а пиратство есть все же, как сказал один английский знаток военно-морского дела, “донаучная стадия ведения морских войн”. Переставший надеяться на собственный кулак и собственные расчеты пират превратился отныне в жалкого преступника. Разумеется всегда имелись некоторые исключения. К таковым принадлежит французский капитан Миссон, попытавшийся в 1720 году создать на Мадагаскаре диковинное царство гуманности. Однако в целом после Утрехтского мира пират был вытеснен на обочину мировой истории. В 18 веке он всего лишь беспутный субъект, грубый криминальный тип, могущий еще служить персонажем увлекательных рассказов, наподобие “Таинственного острова” Стивенсона, но не играющий более никакой роли в истории.

Напротив, корсары 16-17 веков играют весьма значительную роль в истории. Во всемирном противоборстве Англии и Испании они являются активными воинами. У своих врагов испанцев они считались настоящими преступниками;

их вешали, когда ловили. Так же и собственное правительство хладнокровно жертвовало ими, когда они становились неудобными или когда это диктовалось соображениями внешнеполитического порядка. Часто лишь случай решал, закончит ли такой корсар жизнь королевским вельможей, высокопоставленным сановником или приговоренным к повешенью пиратом. К тому же, различные наименования, как-то пират, корсар, Privateer, Merchant-Adventurer на практике трудно различимы и употребляются одно вместо другого. В собственном смысле слова, с юридической точки зрения, между пиратом и корсаром существует большая разница. Ибо, в отличие от пирата, корсар обладает документом, подтверждающим его права, полномочиями своего правительства, официальным каперным письмом своего короля. Он вправе ходить под флагом своей страны. Пират же, напротив, плавает без всяких законных оснований. Ему подходит лишь черное пиратское знамя. Но сколь бы четким и ясным ни казалось это различие в теории, на практике оно легко стирается. Корсары часто превышали свои права и плавали с фальшивыми каперскими свидетельствами, а иногда и с письменно заверенными доверенностями от несуществующих правительств.

Существеннее всех этих юридических вопросов нечто иное. Все эти Rochellois, морские гезы и флибустьеры, имели политического врага, а именно, Испанию, великую католическую державу. До тех пор, пока они остаются сами собой, они основательно грабят большей частью только корабли католиков и с чистой совестью рассматривают это как богоугодное, благословенное Господом дело. Таким образом, они входят в огромный всемирно-исторический фронт, во фронт борьбы тогдашнего всемирного протестантизма против тогдашнего всемирного католицизма. То, что они убивают, грабят и разбойничают, не нуждается поэтому в оправдании. В общем контексте этой поворотной эпохи они в любом случае занимают определенную позицию и, тем самым, обретают свое историческое значение и свое место в истории.

8

Английские короли — как королева Елизавета, так и Стюарты Яков и Карл — и английские государственные люди этого времени не имели какого иного исторического сознания своей эпохи, по сравнению с большинством современников. Они проводили свою политику, пользовались предоставлявшимися преимуществами, получали прибыли и стремились удержать любую позицию. Они использовали право, если таковое было на их стороне, и возмущенно протестовали против несправедливости и беззакония, если право было на стороне их противников. Все это совершенно естественно. Их представления о Боге и мире, о справедливости и законности, их осознание пришедшего в движение исторического развития были — за такими гениальными исключениями, как Томас Мор, кардинал Вулси или Фрэнсис Бэкон — ничуть не более авангардными по сравнению с воззрениями большинства дипломатов и государственных мужей любой другой европейской страны, вовлеченной в мировую политику.

Королева Елизавета вполне заслуженно считается великой основательницей английского морского господства. Она вступила в борьбу с мировой гегемонией католической Испании. Во время ее правления была одержана победа над

испанской армадой в проливе Ла-Манш (1588); она воодушевляла и чествовала таких героев моря, как Френсис Дрейк и Уолтер Рэлли; из ее рук в 1600 году получила торговые привилегии английская Ост-Индская торговая кампания, покорившая впоследствии под английское владычество всю Индию. За 45 лет ее правления (1558-1603) Англия стала богатой страной, какой прежде не являлась. Раньше англичане занимались овцеводством и продавали во Фландрию шерсть; теперь же со всех морей к английским островам устремились сказочные трофеи английских пиратов и корсаров. Королева радовалась этим сокровищам — они пополняли ее богатства. В этом отношении все время своего девичества она занималась тем же самым, чем занимались многочисленные английские дворяне и буржуа ее эпохи. Все они участвовали в большом деле добычи. Сотни тысяч англичан и англичанок стали тогда “корсар-капиталистами”, *corsairs capitalists*. Это также относится к тому стихийному повороту от земли к морю, о котором мы здесь ведем речь.

Прекрасный пример подобного расцвета раннего капитализма, выросшего на пиратской добыче, предоставляет нам семейство Киллигрю из Корнуэлла. Его воззрения и образ жизни дают нам картину господствовавших в то время сословий и настоящей “элиты” гораздо более жизненную и точную, чем множество служебных актов и официальных документов, обусловленных эпохой. Эти Киллигрю типичны для своего времени совсем в ином смысле, чем большинство дипломатов, юристов и увенчанных славой поэтов, причем в любом случае необходимо отметить, что и среди представителей этого рода имеются видные интеллектуалы, а фамилия Киллигрю еще и сегодня более десяти раз представлена в библиографическом национальном лексиконе Англии. Проведем же некоторое время в этом обществе избранных.

Семья Киллигрю жила в Арвенке в Корнуолле (Юго-Восток Англии). Главой семьи во времена королевы Елизаветы был сер Джон Киллигрю, вице-адмирал Корнуолла и наследный королевский управляющий замка Пенденнис. Он работал в тесном взаимодействии с Уильямом Сесилом, лордом Берли, первым министром королевы. Уже отец и дядя вице-адмирала и управляющего были пиратами, и даже против его матери, как то достоверно сообщают нам английские летописцы, было возбуждено уголовное дело по обвинению в пиратстве. Одна часть семьи работала на берегах Англии, другая в Ирландии. Многочисленные двоюродные братья и прочая родня на берегах Девона и Дорсета. К этому стоит добавить приятелей и собутыльников всякого рода. Они организовывали нападения и разбойничьи набеги, подстерегали в засаде приближавшиеся к их берегу корабли, следили за разделом добычи, и торговали долями в прибыли, постами и должностями. Большой дом, в котором проживала семья Киллигрю в Арвенке, стоял в непосредственной близости от моря в безлюдной части порта Фальмут и имел тайный проход к морю. Единственным расположенным поблизости зданием был вышеупомянутый замок Пенденнис, резиденция королевского управляющего. Замок был оснащен сотней пушек и служил пиратам убежищем в случае крайней необходимости. К тому времени, как благородная леди Киллигрю стала трудолюбивой и умелой помощницей своему супругу, она уже помогала своему отцу, блестящему “gentleman pirate”. Она предоставляла в своем доме приют пиратам и была гостеприимной хозяйкой. Во всех местных портах были устроены укрытия и места для ночлега.

Королевские власти редко беспокоили семью Киллигрю или, тем более, препятствовали ей в ее занятиях. Лишь однажды, в 1582 году, дело дошло до подобного вмешательства, о котором я хотел бы вкратце рассказать. Ганзейское судно водоизмещением 144 тонны, принадлежащее двум испанцам, отнесло штормом в порт Фальмут. Поскольку Англия в тот момент не воевала с Испанией, испанцы безбоязненно встали на якорь, и как раз напротив дома в Арвенак. Лэди Киллигрю заметила корабль из своего окна, и ее наметанный глаз тотчас же различил, что судно гружено драгоценным голландским сукном. В ночь на 7 января 1852 года вооруженные люди Киллигрю во главе с благородной леди атаковали несчастный корабль, перебили команду, побросали трупы в море вернулись в Арвенак с ценным голландским сукном и прочей добычей. Сам корабль непонятно как оказался в Ирландии. Обоих испанцев, владельцев судна, к их счастью не было на боту во время боя, поскольку они переночевали в маленькой гостинице на берегу. Они подали иск в местный английский суд в Корнуэлле. После некоторых изысканий суд пришел к выводу, что корабль вероятно украден неизвестными преступниками, прочие же обстоятельства дела не могут быть расследованы. Но поскольку испанцы обладали связями среди политиков, им удалось передать дело в более высокую инстанцию в Лондон, так что было назначено повторное предварительное следствие. Лэди Киллигрю вместе со своими помощниками была привлечена к суду в другой местности. Ее признали виновной и приговорили к смертной казни. Двое из ее пособников были казнены, сама лэди в последний момент была помилована.

Такова правдивая история лэди Киллигрю. Еще и на четырнадцатый год правления королевы Елизаветы большая часть тоннажа английского флота была задействована в разбойничьих плаваниях или в незаконных торговых сделках, а совокупное водоизмещение судов, находившихся в легальных торговых предприятиях, составляло едва ли более 50000 тонн. Семейство Киллигрю — это прекрасный пример отечественного фронта великой эпохи морских разбойников, в которую сбылось старое английское пророчество 13 века: “Детеныши льва превратятся в морских рыб”. И так, детеныши льва в конце средневековья разводили в основном овец, из шерсти которых во Фландрии получали сукно. Только в 16 и 17 веках этот народ овцеводов действительно превратился в народ “пленителей моря” и корсаров, в “детей моря”.

9

Англичане сравнительно поздно добиваются успехов в океанических плаваниях. Португальцы стали заниматься мореплаванием на сто лет раньше, однако плавали они в основном вдоль побережья. С 1492 года испанцы начинают великую Конкисту, покорение Америки. За ними быстро последовали французские мореплаватели, гугеноты и англичане. Но лишь в 1553 году с основанием Muscovy Company Англия начинает проводить трансатлантическую политику, с помощью которой ей удалось несколько потеснить прочие великие колониальные державы. Как уже было сказано выше, только после 1570 года англичане стали плавать южнее экватора. Практически первым свидетельством того, что Англия начинает обретать новый английский всемирный кругозор, является книга Хэклеята “Принципы навигации”; она вышла в 1589 году. В

китовой ловле и кораблестроении учителями англичан, равно как и других народов, также были голландцы.

Тем не менее, именно англичане были теми, кто в конце концов всех опередил, одолел всех соперников и достиг мирового господства над океанами. Англия стала наследницей. Она стала наследницей великих охотников и водителей парусников, исследователей и первооткрывателей всех остальных народов Европы. Британское владычество над землей посредством моря вобрало в себя все отважные подвиги и достижения в мореплавании, содеянные немецкими, голландскими, норвежскими и датскими моряками. Правда, великие колониальные империи других европейских народов продолжали существовать и в дальнейшем. Португалия и Испания сохранили огромные владения за океаном, но утратили морское господство и контроль за морскими коммуникациями. С высадкой и закреплением войск Кромвеля на Ямайке в 1655 году была решена общеполитическая всемирно-океаническая ориентация Англии и заокеанская победа над Испанией. Голландия, достигшая около 1600 года расцвета своего морского могущества, уже сто лет спустя, в 1700 году, стала в большей степени сухопутной, континентальной страной. Ей пришлось возводить сильные полевые укрепления и обороняться от Людовика XIV на суше; ее наместник Вильгельм III Оранский в 1689 году становится одновременно королем Англии; он переселился на острова и проводил теперь уже не собственно голландскую, но английскую политику. Франция не выдержала того великого исхода к морю, который был связан с гугенотским протестантизмом. Она все же принадлежала римской духовной традиции, и когда с переходом Генриха IV в католичество и благодаря Варфоломеевской ночи 1572 года дело решилось в пользу католицизма, то тем самым в конечном итоге был совершен окончательный выбор не в пользу моря, а в пользу суши, земли. Правда, Франция обладала очень крупным флотом и могла, как мы видели, справиться с Англией еще при Людовике XV. Но после того, как французский король отстранил от дел в 1672 году своего выдающегося министра торговли и военно-морских сил Кольбера отменить выбор в пользу суши уже было невозможно. Продолжительные колониальные войны 18 века только подтвердили это. Между тем, Германия потеряла всю свою мощь и силу в религиозных войнах и из-за политических неудач тогдашней империи. Так Англия стала наследницей, универсальной наследницей великого пробуждения европейских народов. Как это могло стать возможным? Это невозможно объяснить при помощи общеизвестных аналогий с предшествующими историческими примерами морского господства, ничего не дают и параллели с Афинами или Карфагеном, Римом, Византией или Венецией. Здесь перед нами случай единственный по самому своему существу. Его своеобразие, его несравненность состоит в том, что Англия осуществила превращение стихий в совсем иной момент истории, совсем иным образом, нежели прежние морские державы. Она действительно отделилась от земли и основала свое существование в стихии моря. Благодаря этому она выиграла не только многие морские сражения и войны, но одержала верх в чем-то совсем ином и бесконечно большем, — в революции, а именно, в уникальной революции, в планетарной революции пространства.

Что это такое революция пространства?

Человек обладает определенным представлением своего “пространства”; это представление изменяется под влиянием крупных исторических преобразований. Различным жизненным формам соответствуют столь же разнообразные пространства. Уже внутри одной и той же эпохи повседневная картина окружающего мира отдельных людей разнится в зависимости от их профессии. Житель крупного города мыслит себе мир совершенно иначе, чем крестьянин; охотник на кита располагает совсем иным жизненным пространством, чем оперный певец, а летчику мир и жизнь предстают опять же не только в ином свете, но и в иных мерах, глубинах и горизонтах. Различия в представлениях о пространстве станут еще глубже и значительнее, если сравнить целые народы и разные эпохи истории человечества. Научные истории о пространстве могут значить здесь практически очень много и очень мало. На протяжении столетий ученых, уже тогда считавших Землю шаром, держали за душевнобольных и вредителей. В Новое время разные науки с растущей специализацией также выработали свои особые понятия пространства. Геометрия, физика, психология и биология следуют здесь особенными, далеко друг от друга разошедшимися путями. Если ты спросишь ученых, они ответят тебе, что математическое пространство представляет собой нечто совсем иное, чем пространство электромагнитного поля, последнее, в свою очередь, совершенно отлично от пространства в психологическом или биологическом смысле. Это дает полдюжины понятий пространства. Здесь отсутствует любая цельность и подстерегает опасность расчленения и забалтывания важной проблемы в изолированном сосуществовании различных понятий. Философия и гносеология 19 столетия также не дают никакого всеохватывающего и простого ответа и практически оставляют нас в тупике.

Но государства и силы истории не дожидаются данных науки точно так же, как Христофор Колумб не дожидался Коперника. Каждый раз, когда в виду новой атаки исторических сил, через высвобождение новых энергий в поле зрения всего человечества попадают новые земли и океаны, изменяются также пространства исторической экзистенции. Тогда возникают новые масштабы и измерения политико-исторического действия, новые науки, новые устройства, новая жизнь новых или возродившихся народов. Это распространение может быть настолько интенсивным и поразительным, что меняются не только меры, масштабы и пропорции, не только внешний оком человека, но и сама структура понятий пространства. Тогда уже можно говорить о революции пространства. Впрочем, уже с каждым историческим изменением в большинстве случаев связано видоизменение картины пространства. Это является истинной сущностью той всеобъемлющей политической, научной и культурной трансформации, которая тогда разворачивается.

Это общее положение мы сможем быстро прояснить для себя на трех исторических примерах: последствия завоевания Карла Великого, Римская империя в первом веке нашей эры и влияние крестовых походов на развитие Европы.

Во времена завоевательных походов Александра Великого грекам предстал новый огромный пространственный горизонт. Культура и искусство эллинизма являются его следствием. Великий философ Аристотель, современник этого изменения пространства, видел, что обитаемый людьми мир все более смыкается со стороны Востока и со стороны Запада. Аристарх Самосский, живший некоторое время спустя (310-230), уже предполагал, что солнце является неподвижной звездой и стоит в центре земной орбиты. Основанный Александром город Александрия на Ниле стал центром потрясающих открытий в технической, математической и физической областях. Здесь учил Евклид, основатель евклидовой геометрии; Хирон осуществил здесь удивительные технические изобретения. Здесь учился Архимед из Сиракуз, изобретатель больших боевых механизмов и первооткрыватель естественнонаучных законов, а заведующий Александрийской библиотеки Эратосфен (275-195) уже в то время правильно рассчитал местоположение экватора и научно доказал, что Земля имеет форму шара. Так было предвосхищено учение Коперника. И все же эллинистический мир был недостаточно обширным для планетарной пространственной революции. Его знание осталось уделом ученых, ибо он еще не вобрал в свою экзистенциальную действительность мировой океан. Когда триста лет спустя Цезарь, выйдя из Рима покорил Галлию и Англию, взору предстал Северо-Запад и открылся выход к Атлантическому океану. Это было первым шагом к сегодняшнему понятию европейского пространства. В первом веке римской эпохи цезарей, особенно, конечно, во времена Нерона, сознание глубочайшей перемены стало столь мощным и ощутимым, что, по крайней мере, в господствовавшем умонастроении можно было уже говорить о почти революционных изменениях картины пространства. Этот исторический момент приходится на первое столетие нашей эры и потому заслуживает особого внимания. Видимый горизонт раздвинулся к Востоку и к Западу, к Северу и к Югу. Завоевательные и гражданские войны заняли собой пространство от Испании до Персии, от Англии до Египта. Далеко удаленные друг от друга области и народы вошли меж собой в соприкосновение и обрели единство общей политической судьбы. Солдаты из всех частей империи — из Германии и из Сирии, из Африки или из Иллирии — могли сделать своего генерала Римским императором. Был прорублен Коринфский перешеек, корабли обошли с юга Аравийский полуостров, Нерон послал научную экспедицию к истокам Нила. Письменными свидетельствами этого расширения пространства являются карта мира Агриппы и география Страбона. То, что Земля имеет форму шара, осознавалось уже не только отдельными астрономами или математиками. Знаменитый философ Сенека, учитель, воспитатель и: в конце концов, жертва Нерона, запечатлел тогда в чудных словах и стихотворных строках почти планетарное сознание той эпохи. Он указал со всей ясностью, что достаточно в течение не очень большого количества суток идти под парусом от крайнего берега Испании при собственном, попутном, то есть восточном ветре, чтобы на пути к Западу достичь расположенной на Востоке Индии. В другом месте, в трагедии “Медея” он изрекает в стихотворной форме поразительное пророчество:

*Жаркий Инд и хладный Аракс соприкасаются
Персы пьют из Эльбы и Рейна.
Фетида явит взору новые миры (novos orbis),
А Туле не будет более крайним пределом Земли.*

Я процитировал эти строки, поскольку они выражают то всеобъемлющее ощущение пространства, которое присутствовало в первом веке нашей эры. Ибо начало нашей эры было действительно рубежом эпох, с которым было связано не только сознание полноты времен, но и сознание заполненного земного пространства и планетарного горизонта. Но вместе с тем слова Сенеки перебрасывают таинственный мост в Новое время и в эпоху открытий; ибо они сохранились и дошли до нас сквозь столетиями длившиеся сумерки пространства и сквозь обмеление европейского Средневековья. Они передали думающим людям чувство большего пространства и вселенского простора, и даже способствовали открытию Америки. Как и множество его современников, Христофор Колумб знал слова Сенеки, они побудили его отправиться в отважное плавание к Новому Свету. Он намеревался, плывя под парусами к Западу, достичь Востока, и действительно достиг его. Выражение “Новый свет”, новый мир, *novus orbis*, которое использует Сенека, было тотчас же применено по отношению к только что открытой Америке.

Гибель Римской империи, распространение ислама, вторжения арабов и турок вызвали столетние пространственные сумерки и обмеление Европы. Изолированность от моря, отсутствие флота, полная континентальная замкнутость характерны для раннего Средневековья и его системы феодализма. За время с 500 по 1100 годы Европа стала феодально-аграрным континентальным массивом; европейский правящий слой, феодалы, доверили всю свою духовную культуру, в том числе чтение и письмо, Церкви и духовенству. Знаменитые властители и герои этой эпохи не умели ни читать, ни писать; для этого у них был монах или капеллан. В морской империи правители, вероятно, не смогли бы столь долго оставаться неграмотными, как это было в таком чисто материальном массиве суши. Однако в результате крестовых походов французские, английские и немецкие рыцари познакомились со странами ближнего Востока. На Севере новые горизонты открылись благодаря расширению Немецкой Ганзы и распространению Немецкого рыцарского ордена, здесь возникла система транспортных и торговых коммуникаций, получившая название “всемирного хозяйства Средневековья”.

Это пространственное расширение также являлось культурной трансформацией глубочайшего рода. Повсюду в Европе возникают новые формы политической жизни. Во Франции, Англии и на Сицилии создаются централизованные органы управления, в чем-то уже предвосхищающие современное государство. В верхней и центральной Италии происходит становление новой городской культуры. Развиваются университеты, в которых преподают теологию и до сих пор неизвестную юриспруденцию, а возрождение римского права создает новый образованный слой юристов, и подрывает монополию клира на образование, типичную для феодального Средневековья. В новом, готическом искусстве, в архитектуре, пластическом искусстве, в живописи мощный ритм движения сменяет статическое пространство предшествующего романского искусства и помещает на его место динамическое поле сил, пространство движения и жеста. Готический свод —

это такое устройство, в котором части и элементы взаимно уравниваются их тяжестью и держат друг друга. В противоположность недвижимым, тяжелым массам зданий романского стиля здесь присутствует совершенно новое пространственное чувство. Но и в сравнении с пространством античного храма и пространством последующей архитектуры Ренессанса в готическом искусстве обнаруживается только ему присущие сила и движение, преобразующие пространство.

12

Можно найти и другие исторические примеры, но все они меркнут перед лицом глубочайшего и самого богатого последствием изменения планетарной картины мира во всей известной нам мировой истории. Это изменение происходит в 16 и 17 веках, в эпоху открытия Америки и первого кругосветного плавания. Теперь возникает в прямом смысле слова новый мир, Новый Свет, и в корне меняется всеобщее мировосприятие сначала западно- и центральноевропейских народов человечества. Это первая настоящая пространственная революция во всеобъемлющем смысле слова, охватившая всю землю, весь мир и все человечество.

Она несравнима ни с какой другой. Она была не просто всего лишь особенно обширным в количественном отношении распространением географического горизонта, которое само собой наступило вследствие открытия новых частей света и новых океанов. Гораздо большие изменения в совокупном восприятии человечества претерпела общая картина нашей планеты и тем самым общее астрономическое представление о всем мироздании. Впервые в своей истории человек мог держать настоящий, целый земной шар, словно мяч. Мысль о том, что Земля должна иметь форму шара, казалась человеку Средних веков и даже Мартину Лютеру забавной и несерьезной фантазией. Теперь шаровидный образ Земли стал осязаемым фактом, неопровержимым опытом и бесспорной научной истиной. Теперь столь неподвижная прежде Земля вращалась также вокруг Солнца. Но даже это еще не составляло грядущего подлинного, фундаментального преобразования пространства. Решающим был прорыв в космос и представление о бесконечном пустом пространстве.

Коперник первым доказал научно, что Земля вертится вокруг Солнца. Его труд о вращениях небесных орбит "De revolutionibus orbium coelestium" вышел в 1543 году. Хотя он и изменил тем самым всю картину нашей солнечной системы, но он все же еще твердо держался того мнения, что мироздание в целом, космос представляет собой ограниченное пространство. Таким образом, еще не изменился мир в глобальном космическом смысле и с ним вместе не переменялась сама идея пространства. Несколько десятилетий спустя границы пали. В философском смысле Джордано Бруно предположил, что наша солнечная система (в которой планета Земля вращается вокруг Солнца) представляет собой лишь одну из множества солнечных систем бесконечного звездного неба. В результате научных экспериментов Галилея подобные философские умозрения приобрели статус математически доказуемой истины. Кеплер рассчитывал пути движения планет, хотя его самого и охватывал ужас при мысли о бесконечности такого рода пространств, где планетные системы движутся без какого-либо центра. С появлением учения Ньютона новое

представление о пространстве прочно утвердилось во всей свободомыслящей Европе. В то время, как силы притяжения и отталкивания взаимно уравновешивают друг друга, скопление материи, небесные тела по законам гравитации движутся в бесконечном, пустом пространстве.

Таким образом, люди могут представить себе пустое пространство, что было ранее невозможно, пусть некоторые философы и рассуждали о “пустоте”. Раньше люди боялись пустоты ; они страдали так называемой *horror vacui* (боязнь пространства). Отныне люди позабыли свой страх и не находят более ничего особенного в том, что они сами и их вселенная существует в пустоте. Такое научно доказанное представление вселенной в бесконечном, пустом пространстве даже приводило писателей Просвещения 18 века, и прежде всего Вольтера, в состояние особой гордости. Но попробуй реально представить себе хоть раз действительно пустое пространство! Не только безвоздушное, но и лишенное всякой тонкой и одушевленной материи абсолютно пустое пространство! Попытайся хоть однажды действительно различить в твоём представлении пространство и материю, отделить их друг от друга и помыслить одно без другого! С тем же успехом ты можешь попытаться помыслить себе абсолютное Ничто. Деятели Просвещения очень забавлялись по поводу этой *horror vacui*. Но вероятно, это был всего лишь вполне объяснимый страх перед ничто и перед пустотой смерти, ужас перед лицом нигилистического образа мыслей и перед нигилизмом вообще.

Такого рода изменение, каковое присутствует в мысли о бесконечном, пустом пространстве, невозможно объяснить лишь следствием обыкновенного географического расширения ойкумены. Оно носит столь фундаментальный и революционный характер, что позволяет сказать также нечто прямо противоположное, а именно: что открытие новых континентов и совершение первых плаваний вокруг земли явились всего лишь внешними обнаружениями и следствиями более глубоких изменений. Только поэтому высадка на неизвестном острове и могла вызвать к жизни целую эпоху открытий. На берег американского континента нередко высаживались пришельцы с Запада и с Востока. Как известно, викинги из Гренландии достигли берегов Америки уже около 1000 года, а индейцы, которых обнаружил Колумб, так же откуда-то переселились в Америку. Но “открыта” Америка была только в 1392 году Колумбом. “Доколумбовые” открытия не только не содействовали планетарной пространственной революции, но и не имели к ней ровным счетом никакого отношения. В ином случае ацтеки не оставались бы в Мексике, а инки — в Перу; однажды они явились бы в Европу с картой земного шара в руках, и не мы бы их открыли, но, напротив, они открыли бы нас. Для того, чтобы революция пространства состоялась, требуется нечто большее, чем простая высадка в неизвестной дотопе местности. Для ее свершения необходимо изменение представлений о пространстве, которое охватывало бы все уровни и области человеческого бытия. Что это значит, позволяет понять рассмотрение необычного рубежа эпох, имевшего место в 16-17 веках.

В эти столетия эпохальных перемен европейское человечество обретает новое понимание пространства во всех видах своего творческого духа. Живопись Ренессанса упраздняет пространство средневековой готической живописи; художники помещают теперь нарисованных ими людей и предметы внутрь такого пространства, которое дает в перспективе пустую бездонность.

Люди и вещи покоятся отныне и движутся отныне внутри пространства. В сравнении с пространством готической картины это в самом деле означает другой мир. То, что художники теперь иначе видят, что изменяется их зрение, для нас исполнено глубочайшего смысла. Ибо великие художники не просто изображают для кого-то нечто прекрасное. Искусство есть историческая ступень в осознании пространства, и настоящий художник — это человек, который лучше и правильнее других людей видит людей и предметы, правильнее, прежде всего, в смысле исторической правды своей собственной эпохи. Но не только в живописи возникает новое пространство. Архитектура Ренессанса творит свои всецело отличные от готического пространства здания с классически геометрической планировкой; ее пластика свободно размещает в пространстве изваяния человеческих фигур, в то время как скульптуры Средневековья расположены у колонн и в углах зданий. Архитектура Барокко находится снова в динамике движения, устремления и потому сохраняет некоторую связь с готикой, но все же она остается накрепко закованной в новом, современном пространстве, возникшем в результате пространственной революции и испытавшим решающее воздействие самого барочного стиля. Музыка извлекает свои мелодии и гармонии из старых тональностей и помещает их в звуковое пространство нашей так называемой тональной системы. Театр и опера предоставляют своим персонажам передвигаться в пустой глубине сценического пространства, которое отделяется занавесом от пространства зрительного зала. Таким образом, все без исключения духовные течения двух этих столетий — Ренессанс, Гуманизм, Реформация, Контрреформация и Барокко — по-своему участвовали в тотальности этой пространственной революции.

Не будет большим преувеличением сказать, что новым пониманием пространства охвачены все области человеческой жизни, все формы бытия, все виды творческих способностей человека, искусство, наука, техника. Огромные перемены в географическом облике Земли составляют всего лишь внешний аспект глубокого преобразования, означенного таким многообещающим и чреватых многими последствиями словосочетанием, как “пространственная революция”. Отныне неотвратимо наступает то, что называли рациональным превосходством европейца, духом европеизма и “рационализма Оккама”. Он проявляется у народов Западной и Центральной Европы, разрушает средневековые формы человеческого общежития, образует новые государства, флоты и армии, изобретает новые машины и механизмы, поработает неевропейские народы и ставит их перед дилеммой: или принять европейскую цивилизацию или опуститься до уровня простого народа колонии.

13

Всякое привычное упорядочивание представляет собой упорядочение пространства. О составлении, конституировании страны или части света говорят как о его основном, первичном упорядочивании, его номосе*.

Итак, действительное, истинное первичное упорядочивание основано в своей важнейшей сущности на определенных пространственных границах и ограничениях, на определенных мерах и определенном разделе земли. В начале каждой великой эпохи происходит поэтому великий захват земель. В

особенности любое значительное изменение и смещение в облике Земли связано с переменами в мировой политике и с новым переделом мира, новым захватом земель.

Столь поразительная, беспрецедентная пространственная революция, какая имело место в 16-17 веках, должна была привести к столь же неслыханному, не имеющему аналогий захвату земель. Европейские народы, которым открылись тогда новые, казавшиеся бесконечными пространства и которые устремились в даль этих просторов, обходились с открытыми ими неевропейскими и нехристианскими народами как с бесхозным добром, которое становилось собственностью первого попавшегося европейского захватчика. Все завоеватели, будь-то католики или протестанты, ссылались при этом на свою миссию распространения христианства среди нехристианских народов. Впрочем, такую миссию можно было бы попытаться осуществить и без завоеваний и грабежа. Никакого другого обоснования и оправдания не находилось. Некоторые монахи, как например испанский теолог Франческо де Витория в своей лекции об индейцах (*De Indis* 1532), доказывали, что право народов на их территорию не зависит от их вероисповедания и с удивительной откровенностью защищали права индейцев. Это ничего не меняет в общей исторической картине европейских колониальных захватов. Позднее, в 18 и 19 веках задача христианской миссии превратилась в задачу распространения европейской цивилизации среди нецивилизованных народов. Из таких оправданий возникло христианско-европейское международное право, то есть противопоставленное всему остальному миру сообщество христианских народов Европы. Они образовали “сообщество наций”, межгосударственный порядок. Международное право было основано на различии христианских и нехристианских народов или, столетием позже, цивилизованных (в христианско-европейском смысле) и нецивилизованных народов. Нецивилизованный в этом смысле народ не мог стать членом этого международно-правового сообщества; он не был субъектом, а только объектом этого международного права, то есть он принадлежал одному из цивилизованных народов на правах колонии или колониального протектората.

Разумеется, тебе не следует представлять “сообщество христианско-европейских народов” как некое стадо мирных овец. Между собой они вели кровавые войны. Но все же это не упраздняет исторического факта существования христианско-европейского цивилизационного единства и порядка. Мировая история представляет собой историю колониальных захватов, а при каждом захвате земель захватчики не только договаривались, но и спорили, часто даже посредством кровавых гражданских войн. Это справедливо и в отношении большинства колониальных захватов. Причем войны ведутся с тем большей интенсивностью, чем большую ценность представляет собой объект завоевания. Здесь речь шла о захвате нового мира, Нового Света. Испанцы и французы на протяжении 16 века годами вырезали коренное население самым жестоким образом, например во Флориде, причем не щадили ни женщин, ни детей. Испанцы и англичане вели между собой столетнюю изнурительную войну, в которой насилия и зверства, на которые люди способны по отношению друг к другу, достигли, казалось, высшей возможной степени. Причем они также не испытывали никаких угрызений совести от того, что использовали неевропейцев, индейцев или мусульман в качестве явных или тайных помощников или даже союзников. Вспышки

ненависти необычайны; друг друга называли убийцами, ворами, насильниками и пиратами. Отсутствует только одно единственное обвинение, которое обычно охотно выдвигали против индейцев; европейцы-христиане не обвиняли друг друга в людоедстве. В остальном же для обозначения злейшей, смертельной вражды привлекается все богатство языка. И все же это утрачивает всякое значение ввиду всепокоряющей действительности совместной европейской колонизации нового мира, Нового Света. Смысл и сущность христианско-европейского международного права, его исходное упорядочивание состояло именно в разделе и распределении ранее неизвестной земли. Между собой европейские народы были, не рассуждая, едины в том, что они рассматривали неевропейскую территорию земли как колониальную территорию, то есть как объект своего захвата и использования. Этот аспект исторического развития столь важен, что эпоху открытий можно с тем же успехом, и, вероятно, еще точнее обозначить как эпоху колониальных захватов, покорения новых земель. Война, — говорит Гераклит, — соединяет, а правда — это ссора.

** Греческое имя существительное Nomos происходит от греческого глагола Nemein; как и этот глагол, оно имеет три значения. Во-первых, Nemein значит “брат”. Поэтому Nomos означает, во-первых, “взятие”, “захват”. Точно так же, как греческому Legein-Logos соответствует немецкое Sprechen-Sprache, так и греческому Nemein-Nomos соответствует немецкое брать-взятие, захват. Захват является вначале захватом земель, позднее также захватом моря, покорением моря, о чем много сказано в нашем созерцании мировой истории, а в области индустрии это значит захват индустрии, то есть захват индустриальных средств производства.*

Во-вторых, Nemein означает: деление и распределение захваченного (того, что взято). Таким образом, второе значение Nomos: основной раздел и распределение земли, территории и покоящийся на этом порядок прав собственности.

Третье значение таково: эксплуатация, то есть использование, обработка и реализация полученной при разделе территории, производство и потребление. Захват — Распределение — Использование являются в этой последовательности тремя основными понятиями каждого конкретного упорядочения. Подробнее о значении Nomos см. в книге Der Nomos der Erde. Köln. 1950 (L. Auflage. Berlin. 1974).

14

Португальцы, испанцы, французы, голландцы и англичане боролись между собой за раздел новой земли. Борьба велась не только силой оружия; она протекала также в форме дипломатического и юридического спора за получение более выгодного права собственности. В этом вопросе, в противоположность коренным жителям, можно было, конечно, проявить исключительную щедрость и великодушие. Высаживались на берег, воздвигали крест или вырезали на дереве герб короля, устанавливали привезенный с собою столб с изображением герба или помещали гербовую грамоту в дыру между древесных корней. Испанцы любили со всей торжественностью возвещать толпе сбегавшихся туземцев, что эта страна принадлежит отныне

короне Кастилии. Такого рода символические вступления во владение должны были обеспечить приобретение законных прав собственности на огромные острова и целые континенты. Ни одно правительство, будь-то португальское, не соблюдало права туземцев и коренного населения на их собственной территории. Другой вопрос — это спор европейских народов-колонизаторов между собою. Здесь каждый ссылался на любой правовой документ, который был у него в этот момент в руках и, если это оказывалось выгодно, то и на договоры с туземцами и их вождями.

До тех пор, пока Португалия и Испания, две католические державы, определяли положение дел в мире, Папа Римский мог выступать в качестве творца правовых актов, инициатора новых колониальных захватов и арбитра в споре колониальных держав. Уже в 1493 году, то есть по прошествии почти года после открытия Америки, испанцам удалось добиться издания тогдашним Папой Александром VI эдикта, в котором Папа, силою своего апостольского авторитета, даровал королю Кастилии и Леона и его наследникам только что открытые вест-индийские страны в качестве мирских ленных владений Церкви. В этом эдикте была определенная линия, проходившая через Атлантический океан в ста милях к Западу от Азорских островов и островов Зеленого Мыса. Испания получала от Папы все земли, открытые западнее этой линии, в ленное владение. В следующем году Испания и Португалия условились в договоре у Тордесильяс о том, что все земли восточнее линии должны принадлежать Португалии. Так немедленно с огромным размахом начинается раздел Нового Света, хотя Колумб открыл к тому времени всего лишь несколько островов и прибрежных областей. В то время еще никто не мог представить себе реальную картину всей Земли, однако передел Земли начал осуществляться в полной мере и по всем правилам. Папская разделительная линия 1493 года оказалась в начале борьбы за новое исходное упорядочение, за новый номос Земли.

Более ста лет испанцы и португальцы ссылались на папские разрешения, (в своем стремлении) отклонить все притязания следовавших за ним французов, голландцев и англичан. Бразилия, открытая Кабралем в 1300 году, стала, естественным образом, собственностью Португалии, ибо эта выступающая часть западного побережья Америки попала в восточное, португальское полушарие вследствие позднейшего переноса разделительной линии к Западу. Однако другие державы-колонизаторы не чувствовали себя связанными условиями соглашения между Португалией и Испанией, а авторитета Римского Папы не хватало для того, чтобы внушить им уважение к колониальной монополии обеих католических держав. Благодаря Реформации народы, принявшие протестантизм, открыто порвали с любой зависимостью от римского престола. Так борьба за колонизацию новой земли превратилась в борьбу между Реформацией и Контрреформацией, между всемирным католицизмом испанцев и всемирным протестантизмом гугенотов, голландцев и англичан.

15

В противоположность коренным жителям недавно открытых стран, христианские колонизаторы не составляли друг с другом единого фронта, ибо в данном случае отсутствовал общий боеспособный противник. Тем более

ожесточенной, но и более значимой в историческом смысле, более ярко выраженной и оформленной была развивавшаяся теперь религиозная война между христианскими народами-колонизаторами, всемирная битва между католицизмом и протестантизмом. Таким образом обрисованная и с этими участниками она предстает как религиозная война, и таковой она в действительности тоже являлась. Но этим еще не все сказано. В своем истинном свете она целиком предстает нам лишь тогда, когда мы и в данном случае обратим внимание на противоположность стихий и на начинающееся в то время отделение мира открытого моря от мира земной тверди.

Некоторые участники этой великой религиозной борьбы служили для великих писателей прототипами сценических персонажей. Излюбленной темой драматургов стало противоборство испанского короля Филиппа Второго и английской королевы Елизаветы. Оба этих персонажа порознь встречаются в различных трагедиях Шиллера; их прямая конфронтация неоднократно описывается в рамках одной и той же пьесы. Это служит прекрасным материалом для эффектных театральных сцен. Но подобным образом невозможно уловить глубинные противоречия, изначальные ситуации дружбы-вражды, последние элементарные силы и противоборства стихий. В Германии того времени нет для этого сценичных героев. Лишь один единственный немец этой столь бедной деяниями эпохи в жизни Германии (1550-1618) стал героем значительной трагедии: король Рудольф Второй. Ты, вероятно, немного слышала о нем и действительно, нельзя сказать, что он продолжает жить в исторической памяти немецкого народа. Тем не менее, его имя принадлежит данному контексту и крупный немецкий драматург Франц Грильпарцер с полным на то основанием помещает его в центр действия своей трагедии "Братоубийство в Габсбурге". Но вся проблематика и все величие как самой трагедии Грильпарцера, так и его героев состоит именно в том, что Рудольф Второй не был активным героем, но своего рода задержателем, замедлителем. В нем было нечто от "катехона", понятия, уже упоминавшегося нами однажды в ином контексте. Но что вообще может предпринять Рудольф в том положении, в котором оказалась тогда Германия? Одно то, что он осознал отсутствие внешнеполитической угрозы в отношении Германии, было уже очень много, и целым достижением явилось только то, что он в самом деле задержал начало Тридцатилетней войны на десятилетия.

Своеобразие положения Германии тех времен состояло именно в том, что она не определилась в выборе союзников и никак не могла принять какую-то сторону в этой религиозной войне. Она заключала в самой себе противостояние католицизма и протестантизма, однако это внутринамецкое противоречие было чем-то иным, нежели всемирное, решающее для колонизации Нового Света противостояние католичества и протестантизма. Германия была все же родиной Лютера и страной возникновения Реформации. Но борьба колониальных держав давно преодолела изначальную противоположность католичества и протестантизма и, миновав внутринамецкую проблематику, достигла гораздо более точного и глубокого противопоставления учения иезуитов и кальвинизма. Теперь это было различие друга и врага, служащее мериллом для всей мировой политики.

Лютеранские немецкие князья и сословия, прежде всего протестантский правитель империи курфюрст Саксонский, пытались сохранять верность и

католическому королю. Когда под натиском кальвинистов возник военный союз евангелических немецких сословий, так называемый Унион, а католические сословия образовали встречный фронт, так называемую Лигу, курфюрст Саксонский, лютеранин по вероисповеданию, не знал, к какой стороне ему примкнуть. Еще в 1612 году велись переговоры о его вступлении в католическую Лигу. Ненависть лютеран к кальвинистам была не меньшей, чем их ненависть к папистам, и не меньшей, чем ненависть католиков к кальвинистам. Это объясняется не только тем, что лютеране на практике в общем и целом больше следовали принципу подчинения власти, чем гораздо более активные кальвинисты. Подлинная причина состоит в том, что Германия была в то время отстранена от участия в европейской колонизации Нового Света и насильственно втянута внешними силами в мировое столкновение западно-европейских колониальных держав. В то же время на Юго-Востоке ей угрожали наступавшие турки. Иезуиты и кальвинисты Испании, Голландии и Англии поставили Германию перед альтернативами, совершенно чуждыми собственно немецкому развитию. Неиезуиты-католики и некальвинисты-лютеране, каковыми являлись немецкие князья и сословия, пытались избежать участия во внутренне им чуждом споре. Но это требовало решительности и огромных собственных сил. За неимением таковых они оказались в ситуации, которая точнее всего обозначалась как “пассивный нейтралитет”. Следствием этого было то, что Германия оказалась полем сражения внутренне чуждых ей трансатлантических сил за колонии без реального участия в этой войне. Кальвинизм был новой воинственной религией; пробуждение стихии моря захватило его как соразмерная ему вера. Он стал верой французских гугенотов, голландских борцов за свободу и английских пуритан. Он был также вероисповеданием великого курфюрста Бранденбургского, одного из немногих немецких властителей, знавших толк в морских сражениях и колониях. Внутриматериковые кальвинистические общины в Швейцарии, в Венгрии и в других странах не играли роли в мировой политике, если они не были связаны с указанными морскими энергиями.

Все некальвинисты приходили в ужас от кальвинистического вероучения, и прежде всего, от суровой веры в избранность людей от вечности, в “предопределение ко спасению”. Но выражаясь светским языком, вера в предопределение есть всего лишь предельно усилившееся сознание принадлежности к иному миру, чем этот — приговоренный к гибели и развращенный. Говоря на языке современной социологии, это высшая степень самосознания элиты, уверенной в своем положении, уверенной в том, что ее час пробил. Говоря проще, человечнее, это уверенность в том, что ты спасен, а спасение есть все же определяющий любую идею смысл всей мировой истории. Преисполненные этой уверенности, распевали свою прелестную песнь нидерландские гезы:

“Земля станет морем, земля станет морем, но будет свободной”.

Когда в 16 столетии произошло пробуждение стихийных энергий моря, то их действие было столь сильным, что они быстро стали определять политическую историю мира. В этот момент они должны были заговорить духовным языком своего времени. Они не могли больше оставаться просто охотниками на китов, рыбаками и “пленителями моря”. Они должны были найти себе духовного союзника, союзника самого радикального и отважного, того, кто по-настоящему

покончил бы с образами прежней эпохи. Им не могло быть немецкое лютеранство того времени. Последнее развивалось с тенденцией к территориальности и всеобщему обмелению. В любом случае, упадок Ганзы и конец немецкого господства на Балтике столь же четко совпадает в Германии с эпохой Лютера, как рост мирового могущества Голландии и великое решение Кромвеля — с эпохой кальвинизма. И еще нечто приходит на ум. Большинство прежних исторических изысканий все еще находится под влиянием методов изучения суши. Они имеют в виду всегда только твердую землю и развитие государств, в Германии даже только территориально-государственное развитие, при этом часто еще ограничиваются в своем предмете исследования малыми государствами и малыми пространствами. Но стоит нам обратить взор к морю, и мы тотчас же увидим встречу, совпадение по времени, или, если мне позволено будет так выразиться, всемирно-историческое братство, связующее политический кальвинизм с пробуждающимися морскими энергиями Европы. Религиозные войны и теологические лозунги этой эпохи также содержат в своем существе столкновение стихийных сил, повлиявших на перенос всемирно-исторической экзистенции с земли на море.

16

В то время как на береговой стороне исторического свершения с большим размахом шел процесс захвата новых земель, на море завершилась другая, не менее важная часть нового предела нашей планеты. Это происходило посредством английского покорения моря. На море то было результатом общеевропейского пробуждения этих столетий. Им определена основная линия первого планетарного упорядочения пространства, сущность которого состоит в отделении земли от моря. Земная твердь принадлежит теперь дюжине суверенных государств, море принадлежит всем или, наконец, в действительности лишь одному государству: Англии. Устройство земной тверди, суши состоит в том, что она поделена на территории государств; открытое море, напротив, свободно, это значит свободно от государственных образований и не подчинено никакому территориальному верховенству. Таковы решающие факты устройства пространства, на основании которых развивалось христианское европейское международное право трех последних столетий. Это был основной закон, номос земли этой эпохи.

Только в свете этого изначального факта британского покорения моря и отделения моря от земли многие знаменитые и часто цитируемые слова и выражения обретают свой подлинный смысл. Таково, например, высказывание сэра Уолтера Рэлли: “Тот, кто господствует на море, господствует в мировой торговле, а тому, кто господствует в мировой торговле, принадлежат все богатства мира и фактически сам мир.” Или: “Всякая торговля суть мировая торговля; всякая мировая торговля суть морская торговля.” Сюда же относятся слова о свободе, сказанные в период расцвета английского морского и мирового могущества: “Всякая мировая торговля есть свободная торговля.” Нельзя сказать, чтобы все это было так уж неверно, однако все это относится к известной эпохе и к определенному международному положению и становится несправедливым тогда, когда из этого пытаются сделать абсолютные и вечные истины. Но прежде всего распря земли и моря раскрывается в сопоставлении морских и сухопутных войн. Конечно, война на суше и война на море всегда отличалась друг от друга в стратегическом и тактическом отношении. Однако их

противоположность становится отныне выражением различных миров и противоположных правовых норм.

Начиная с 16 века государства европейского материка выработали определенные способы ведения сухопутной войны, в основе которых лежит представление о войне как о взаимоотношении государств. По обеим сторонам линии фронта находится государственно структурированная, военная власть, и армии борются между собой в открытом полевым сражении. В качестве врагов противостоят друг другу лишь участвующие в битве войска, при том, что мирное гражданское население не участвует в боевых действиях. Оно не враг и его не считают врагом до тех пор, пока оно не участвует в войне. Война на море, напротив, предполагает уничтожение торговли и экономики противника. Врагом в такой войне является не только воюющий противник, но и любой подданный враждебного государства и, наконец, даже нейтральная страна, ведущая торговлю с неприятелем и имеющая с ним экономические отношения. Наземная война имеет тенденцию к решающему открытому полемому сражению. Конечно, и во время войны на море дело может дойти до морского сражения, но ее типичными средствами и методами является обстрел и блокада берегов неприятеля и захват вражеских и нейтральных торговых судов согласно призовому праву. По самому своему существу эти типичные для морской войны средства направлены как против военных лиц, так и против мирного населения. В особенности продовольственная блокада, которая обрекает на голод все население блокированной области одинаково, не различая военных и гражданских, мужчин и женщин, стариков и детей.

Это в действительности не только две стороны международно-правового порядка, но два совершенно разных мира. Но со времени британского покорения моря англичане и народы, бывшие во власти английских идей, привыкли к такому положению дел. Представление о том, что континентальная держава сможет осуществлять мировое господство на всем земном шаре, было для их мировосприятия неслыханным и невыносимым. Другое дело — мировое господство, основанное на отделившейся от суши мировой экзистенции и охватывающее собою мировые океаны. Маленький остров на северо-западной стороне Европы стал центром всемирной империи благодаря тому, что оторвался от земли и сделал решающий выбор в пользу моря. В чисто морском существовании он обрел средство мирового господства, простирающегося во все концы Земли. После того, как отделение земли от моря и раздор обеих стихий стали однажды основным законом планеты, на этом фундаменте был возведен огромный каркас ученых мнений, аргументов и научных систем, посредством которых люди обосновывали мудрость и разумность этого положения дел, упуская из виду первичный факт британского покорения моря и временную обусловленность этого факта. Подобные системы были разработаны великими учеными, специалистами в области политической экономии, юристами и философами, и большинству наших прадедов все это казалось совершенно очевидным. Они были больше не в состоянии представить себе какую-то иную экономическую науку и иное международное право. Здесь ты имеешь возможность убедиться в том, что огромный Левиафан обладает властью также и над умами и душами людей. И это самое удивительное в его могуществе.

Англия — это остров. Но лишь став носителем и средоточием стихийного исхода из мира земной тверди в мир открытого моря и лишь в качестве наследника всех высвободившихся в то время морских энергий она превратилась в тот остров, который имеется в виду, когда снова и снова подчеркивается, что Англия является островом. И только став островом в новом, неведомом дотоле смысле слова, Англия осуществила захват мировых океанов и выиграла на том первом этапе планетарной революции пространства.

Само собой разумеется, Англия — это остров. Но одним установлением этого географического факта сказано еще очень мало. Есть много островов, политические судьбы которых совершенно различны. Сицилия также остров, как и Ирландия, Куба, Мадагаскар, Япония. Сколь много противоречивых тенденций всемирной истории соединяются уже в этих немногих именах, каждое из которых именуется остров! В определенном смысле все континенты, в том числе самые крупные, являются всего лишь островами, а вся обитаемая земля омывается океаном, о чем знали уже древние греки. Англия сама всегда была островом в неизменном географическом смысле при всех превратностях исторических судеб, с тех пор, как она много тысячелетий тому назад — вероятно 18000 лет до нашей эры — отделилась от материка. Она была островом, когда ее заселили кельты и когда она была завоевана для Рима Юлием Цезарем, при норманнском завоевании (1066) и во времена Орлеанской девы (1431), когда англичане удерживали за собой большую часть Франции.

Жители этого острова обладали чувством островной защищенности. Из эпохи Средневековья до нас дошли чудные выражения и стихотворные строки, в которой Англию сравнивают с укрепленным замком, омываемым морем, словно оборонительным рвом. В стихах Шекспира это островное самоощущение нашло свое самое прекрасное и знаменитое выражение:

*“Этот второй Эдем, этот коронованный остров, почти что рай,
Этот бастион, возведенный самой природой,
Эта жемчужина в оправе морского серебра,
Которая служит стеною и рвом, оберегая дом.”*

Понятно, что англичане часто цитируют подобные строки, и что особенно выражение “эта жемчужина в оправе морского серебра” могло стать крылатым..

Но такого рода выражения английского островного сознания относятся к старому острову. Остров все еще рассматривается в качестве участка суши, отделившегося от земной тверди и омываемого морем. Островное сознание все еще остается чисто земным, сухопутным и территориальным.. Представляется даже, что островное чувство проявляется как особо ярко выраженное территориальное чувство земли. Было бы заблуждением считать любого островного жителя, любого англичанина еще и сегодня прирожденным “пленителем моря”. Мы уже видели, какое изменение состояло в том, что народ овцеводов превратился в 16 веке в народ детей моря. Это было фундаментальным преобразованием политико-исторической сущности самого

острова. Оно состояло в том, что земля стала рассматриваться теперь лишь с точки зрения моря, остров же из отделившегося участка суши стал частью моря, кораблем или, еще точнее, рыбой.

Наблюдателю, находящемуся на континенте, трудно представить себе последовательно морской взгляд на вещи, чисто морское восприятие земли. Наш повседневный язык при образовании своих значений имеет своим исходным пунктом естественным образом землю. Это мы видели уже в самом начале нашего созерцания. Образ нашей планеты — это образ земли; мы забываем, что он может быть и образом моря. В связи с морем мы говорим о мореходных путях, хотя здесь не существует никаких путей или дорог, как на земле, но лишь линии коммуникации. Корабль в открытом море мы представляем себе в виде куска суши, который плывет по морю, в виде “плавающего участка государственной территории”, как это называется на языке международного права. Военное судно представляется нам плавающей крепостью, а остров, такой как Англия — замком, окруженным морем словно рвом. Морские люди считают все это совершенно ложными толкованиями, плодом фантазии сухопутных крыс. Корабль столь же мало похож на кусок суши, сколь рыба — на плавающую собаку. На взгляд, определяемый исключительно морем, земная твердь, суша есть всего лишь берег, прибрежная полоса плюс “хинтерланд” (незахваченная территория). Даже вся земля, рассматриваемая лишь с точки зрения открытого моря, исходя из чисто морского существования предстает простым скопищем предметов, выброшенных морем к берегу, извержением моря. Типичным примером такого образа мыслей, поразительного для нас, но типичного для людей моря, является высказывание Эдмунда Бергса: “Испания есть ничто иное, как выброшенный на берег Европы кит”. Все существенные отношения с остальным миром, и в особенности с государствами европейского материка должны были измениться от того, что Англия перешла к чисто морскому существованию. Все меры и пропорции английской политики стали отныне несравнимы и несовместимы с таковыми же прочих европейских стран. Англия стала владычицей морей и воздвигла простирающуюся во все концы света британскую всемирную империю, основанную на английском морском господстве над всей землей. Английский мир мыслил морскими базами и линиями коммуникаций. То, что было для других народов почвой и родиной, казалось этому миру простым хинтерландом, незахваченной территорией. Слово континентальный приобрело дополнительное значение отсталости, а население континента стало “backward people”, отсталым народом. Но и сам остров, метрополия такой всемирной империи, основанной на чисто морском существовании, лишается тем самым корней, отрывается от почвы. Он оказывается способным плыть в другую часть земли, словно корабль или рыба, ибо он все же только транспортабельный центр всемирной империи, разбросанной по всем континентам. Дизраэли, ведущий английский политик времен царствования королевы Виктории, сказал применительно к Индии, что Британская империя это государство скорее азиатское, чем европейское. Он был так же тем, кто в 1847 году в своем романе “Танкред” выдвинул предложение о том, что английская королева должна поселиться в Индии. “Королева должна снарядить большой флот, отправиться в путь со своей свитой и всем правящим сословием и перенести свою имперскую резиденцию из Лондона в Дели. Там она найдет огромную готовую империю, первоклассную армию и большие постоянные доходы.”

Дизраэли был Абраванелем (ср. выше) 19 века. Кое-что из сказанного им об иудаизме и христианстве и о расе как о ключе ко всей мировой истории было усердно распропагандировано неевреями и нехристианами. Так что он знал, о чем говорил, когда выдвигал подобные предложения. Он чувствовал, что остров более не является частью Европы. Судьба острова не была отныне с необходимостью связана с европейской судьбой. Он мог отправиться в путь и изменить место своего пребывания в качестве метрополии всемирной морской империи. Корабль мог сняться с якоря и бросить якорь в другой части света. Огромная рыба, Левиафан, могла прийти в движение и пуститься исследовать другие океаны.

18

После битвы при Ватерлоо, когда Наполеон был побежден в результате 20-летней войны, настала эпоха бесспорного морского владычества Англии. Эта эпоха продолжалась весь 19 век. Своей кульминации она достигла в середине века, после Крымской войны, окончившейся Парижской конфедерацией 1856 года. Эпоха свободной торговли была также временем свободного расцвета английского индустриального и экономического превосходства. Свободные морские просторы и свободная мировая торговля, свободный рынок соединились в представлении о свободе, олицетворением и стражем которой могла быть только Англия. В эту эпоху своего апогея достигает также восхищение и подражание английскому примеру во всем мире.

Внутреннее измерение коснулось элементарной сущности громадного Левиафана. Впрочем, тогда еще это осталось незамеченным. Совсем напротив вследствие наступившего потрясающего подъема мировой экономики, позитивистская, ослепленная быстро растущим богатством эпоха верила, что это богатство будет все время и далее возрастать и окончится тысячелетним раем на земле. Однако перемена, коснувшаяся существа Левиафана, была как раз следствием промышленной революции. Последняя началась в Англии в 18 веке с изобретением машин. Первая коксовальная доменная печь (1735 г.), первая литая сталь (1740 г.), паровая машина (1768 г.), прядильная машина (1770 г.), механический ткацкий станок (1786 г.), все это сначала в Англии — таковы некоторые примеры, проясняющие, насколько велико было промышленное превосходство Англии над всеми другими народами. Изобретения парохода и железной дороги последовали в 19 веке. Англия и здесь была впереди всех. Огромная морская держава стала одновременно огромной машинной державой. Ее господство над миром казалось теперь окончательным.

Выше мы уже видели, насколько значительным был прогресс в развитии морского дела за короткий период начиная с битвы на галерах при Лепанто (1571) и до уничтожения испанской армады в Ла-Манше (1588). Столь же значительный шаг вперед был сделан в период между Крымской войной, когда Англия, Франция и Сардиния сражались против России в 1854-1856 гг. и гражданской войной в Америке в 1861-1863 гг., в которой северные индустриальные штаты покорили аграрный Юг страны. В Крымскую войну воевали еще с помощью парусников, война за отделение Юга велась уже при помощи бронированных пароходов. Тем самым открылась эпоха современных

промышленных и экономических войн. Англия и здесь была впереди и почти до конца 19 века удерживала за собой огромное превосходство. Но прогресс в эту эпоху означал вместе с тем новую стадию в элементарных взаимоотношениях земли и моря.

Ибо Левиафан превратился теперь из огромной рыбы в машину. На деле то было сущностное превращение, неслыханное в своем роде. Машина изменила отношение человека к морю. Отважный тип личностей, определявший до сих пор размеры морской державы, утратил свой старый смысл. Смелые подвиги моряков парусных кораблей, высокое искусство навигации, суровое воспитание и отбор определенной породы людей — все это утратило всякое значение ввиду надежности современного технизированного морского сообщения. Море все еще сохраняло свою силу. Но ослабевало и постепенно окончилось действие того мощного импульса, который превратил народ овцеводов в пиратов. Между стихией моря и человеческой экзистенцией встал аппарат машины. Морское господство, основанное на индустрии машин, очевидно представляет собою нечто иное, чем морская держава, ежедневно возрастающая в ожесточенной и непосредственной борьбе со стихией. Парусник, требующий только мускульной силы человека и корабль, движимый паровыми колесами, представляют собой уже два различных способа связи со стихией моря. Промышленная революция превратила детей моря в изготовителей и слуг машины. Перемену почувствовали все. Одни сетовали по поводу конца старой эпохи героев и находили прибежище в романтике пиратских историй. Другие возликовали по поводу технического прогресса и кинулись сочинять утопии сконструированного людьми рая. Со всей очевидностью мы устанавливаем здесь факт сущностного повреждения чисто морской экзистенции, тайны британского мирового господства. Но люди 19 века не видели этого. Ибо будучи рыбой или машиной, Левиафан в любом случае становился все сильнее и могущественнее, и его царству, казалось, не будет конца.

19

В конце 19 — начале 20 века американский адмирал Мэхан предпринял замечательную попытку продлить и в эру машины прежнюю ситуацию британского господства над морем. Мэхан является значительным историком, автором “Влияния морской державы в истории”. Так он озаглавил свой главный труд, вышедший также на немецком языке и получивший признание в кругах немецкого военно-морского флота, в особенности, у его основателя гроссадмирала фон Тирпица.

В одной своей работе, датированной июлем 1904 года, Мэхан ведет речь о возможностях воссоединения Англии с Соединенными Штатами Америки. Глубочайшую основу для подобного воссоединения он усматривает не в общей расе, языке или культуре. Он никоим образом не недооценивает эти соображения, столь часто приводившиеся другими писателями. Но для него они — всего лишь желанные дополнительные обстоятельства. Решающей для него является необходимость сохранения англо-саксонского господства на мировых океанах, а это может произойти лишь на островной основе, путем соединения англо-американских государств. Сама Англия стала слишком мала

в результате современного развития, так что не является более островом в прежнем смысле. Напротив, Соединенные Штаты Америки представляют собой истинный остров в современном смысле. Из-за их протяженности — говорит Мэхан — это до сих пор не осознано. Но это отвечает сегодняшним масштабам и соотношениям величин. Островной характер Соединенных Штатов должен способствовать тому, чтобы морское господство могло быть сохранено и продолжено на более широкой основе. Америка — это тот самый большой остров, на базе которого британское покорение моря должно быть увековечено и в еще больших масштабах продолжено в качестве англо-американского господства над миром.

В то время, как такой политик, как Дизраэли хотел перенести всемирную британскую империю в Азию, американский адмирал вынашивал мысль об отправке в Америку. Это было свойственно типу мышления, естественного для англо-саксонского моряка 19 века. Адмирал чувствовал эпохальные перемены, видел громадные изменения мер и размеров, которые неизбежно наступали с развитием индустрии. Но он не видел того, что промышленная революция как раз важнейший момент — элементарную связь человека с морем. Таким образом выходит, что он продолжает мыслить в старом русле. Его более крупный остров должен был сохранить, законсервировать, унаследованную, устаревшую традицию в полностью новой ситуации. Старый, слишком маленький остров и весь комплекс воздвигнутого на его основе морского и мирового господства должен быть взят на буксир новым островом, словно спасательным судном.

Сколь бы значительной ни была личность Мэхана и сколь бы впечатляющей ни была его конструкция большего острова, но она не постигает подлинного смысла нового упорядочения пространства. Она не является порождением духа старых мореплавателей. Она исходит из консервативной потребности в геополитической безопасности, в ней не осталось более ничего от тех энергий пробуждения стихий, которые сделали возможным всемирно-исторический союз между отважным мореплаванием и кальвинистской верой в предопределение в 16 и 17 веках.

20

Промышленное развитие и новая техника не могли оставаться на уровне 19 века. Прогресс не закончился с изобретением парохода и железной дороги. Мир изменился быстрее, чем того ожидали пророки машинной веры, и вступил в эпоху электротехники и электродинамики. Электротехника, авиация и радио вызвали такой переворот во всех представлениях о пространстве, что явно началась новая стадия первой планетарной пространственной революции, если даже не вторая, новая революция пространства.

За короткий период времени с 1890 по 1914 год Германия, государство европейского материка, догнала и даже перегнала Англию в важнейших областях деятельности, в машиностроении, кораблестроении и локомотивостроении, — после того, как Крупп уже в 1868 году продемонстрировал свое преимущество перед англичанами на поприще производства вооружений. Уже Мировая война 1914 года проходила под знаком

нового. Конечно, народы и их правительства вступили в нее, не обладая сознанием революционной для пространства эпохи, так, как будто бы речь шла об одной из прошлых войн 19 века, в которых они участвовали. В высоко индустриализованной Германии господствовали еще английские идеалы законодательства, и английские идеи считались непререкаемыми, в то время как огромная аграрная страна, какой была царская Россия, вступила в 1914 году в первую мировую и сырьевую войну, не располагая на своей обширной территории собственным современным моторостроительным заводом. В действительности продвижение от парового судна до современного военного корабля было не меньшим, чем шаг от гребных галер до парусника. Отношение человека к стихии моря вновь глубочайшим образом изменилось.

Когда появился самолет, было покорено новое, третье измерение, добавившееся к земле и к морю. Теперь человек поднялся над поверхностями земли и моря и приобрел совершенно новое средство передвижения и столь же новое оружие. Меры и соразмерности вновь изменились, а возможности человеческого господства над природой и над другими людьми расширились до необозримых пределов. Понятно, почему именно военно-воздушные силы получили наименование “пространственного оружия”. Ибо производимые ими революционные изменения пространства суть особенно сильные, непосредственные и наглядные.

Но если кроме того представить себе, что воздушное пространство над землей и морем не только бороздят самолеты, радиоволны станций всех стран со скоростью секунды беспрепятственно пронизывают атмосферное пространство вокруг земного шара, то есть все основания поверить в то, что теперь не просто достигнуто новое, третье измерение, но прибавился даже третий элемент, воздух в качестве новой стихии человеческой экзистенции. Тогда к обоим мифическим животным — Левиафану и Бегемоту — стоило бы добавить и третье: большую Птицу. Но мы не должны столь опрометчиво делать столь многообещающие утверждения. Ибо если поразмыслить о том, с помощью каких технико-механических средств и энергий осуществляется господство человека в воздушном пространстве и представить себе двигатели внутреннего сгорания, которыми приводятся в действие самолеты, то скорее Огонь покажется всякому дополнительным, собственно новым элементом человеческой активности в мире.

Здесь не место разрешать вопрос о двух новых стихиях, прибавившихся к земле и к морю. Здесь еще слишком сильно переплетены серьезные соображения и спекулятивные рассуждения, гипотезы и домыслы, для них все еще существует необозримое поле возможностей. Ведь и согласно одному учению времен античности, вся история человечества есть только путь через четверицу стихий. Если же мы постараемся трезво следовать нашей теме, то сможем со всей очевидностью и достоверностью констатировать две вещи. Первая затрагивает то изменение идеи пространства, которое наступило в новый период пространственной революции. Это преобразование происходит с глубиной ничуть не меньшей, чем уже знакомое нам изменение 16-17 веков. Тогда люди поместили мир и вселенную в пустое пространство. Сегодня мы уже не представляем себе пространство как просто лишенную всякого мыслимого содержания бездонную протяженность. Пространство стало для нас силовым полем человеческой энергии, действия и результата. Только сегодня

для нас становится возможной мысль, невероятная в любую другую эпоху; ее высказал немецкий философ современности: "Не мир находится внутри пространства, но пространство находится внутри мира".

Наше второе установление касается изначального соотношения земли и моря. Сегодня море более не является стихией, как это было в эпоху охотников на кита и корсаров. Сегодняшняя техника транспортных средств и средства массовой информации сделали из него пространство в современном смысле слова. Сегодня любой владелец судна может в любой день и час знать, в какой точке океана находится его судно. Тем самым в противоположность эпохе парусников, мир моря коренным образом изменился для человека. Но если это так, то тогда приходит и то разделение моря и земли, на котором основывалась прежняя связь морского мирового господства. Исчезает сама основа британского покорения моря и вместе с нею прежний номос земли.

Вместо него безудержно и непреодолимо образуется новый номос нашей планеты. Его вызывают новые отнесенности человека к старым и новым стихиям, и изменившиеся меры и отношения человеческой экзистенции форсируют его становление. Многие увидят в этом лишь смерть и разрушение. Некоторые решат, что присутствуют при конце света. В действительности мы переживаем лишь конец прежних отношений земли и моря. Однако человеческий страх перед новым часто столь же велик, как боязнь пустоты, даже если новое преодолевает пустоту. Многие видят лишь бессмысленный хаос там, где в действительности новый смысл прокладывает путь соразмерному себе порядку. Старый номос, конечно, уходит, и вместе с ним вся система унаследованных размеров, норм и отношений. Но грядущее все же не является только отсутствием меры или враждебным номосу ничто. И в жестоких схватках старых и новых сил возникают должные меры и составляются осмысленные пропорции.

***И здесь присутствуют и властвуют боги,
Мера их велика.***

Лейпциг, 1942 год.

Читайте также:

[Оливье Шантрё, Тома Флиши. «Всемирный океанский поворот»](#)